

ГУРОВА АННА

ДРАКОН МЕЛОВОГО ПЕРИОДА

Опасайся пустых мест.
Они пусты только с виду.
Там, откуда уходит люди,
Ты рано или поздно
появляешься
нелегитимно...

Анна Евгеньевна Гурова
Дракон мелового периода
Серия «Князь Тишины», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=135507
Дракон мелового периода: АСТ, Астрель-СПб; Москва; 2005
ISBN 5-17-033728-0, 5-9725-0030-2

Аннотация

Уже десять лет горит библиотека Академии художеств. Этот пожар невозможно потушить, поэтому в тайные книгохранилища, уходящие на много ярусов под землю, невозможно попасть через наш мир.

А того, кто найдет туда путь через домены, ждет враг посерьезнее огня.

Но как удержаться от попытки проникнуть в запретное место? Особенно если ты – мастер реальности и тебя предупредили: оттуда нет шансов выйти живым.

Содержание

Пролог	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	8
1	8
2	17
3	26
4	38
5	47
6	52
7	64
8	74
9	83
10	98
11	117
12	127
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Анна Гурова

Дракон мелового периода

*Он реставрировал при помощи магического искусства те утраченные девятнадцать книг, в которых содержались таинства всяческого знания, красоты и достатка, те книги, за которые расплачивался Прометей. Но университетским профессорам нечего было делать с этими девятнадцатью книгами. Опасались, что дьявол мог внести в эти книги, воссозданные при помощи демонов, нечто вредное. И кроме того, говорили профессора, было уже достаточно книг, по которым студенты могли бы изучать греческий, древнееврейский и латынь. Итак, они снова утратили все эти таинства знания, красоты и достатка, которые мир потерял давным-давно.
Дж. Б. Кейбелл. «Кое-что о Еве»*

Пролог

В комнате кто-то есть.

Я осторожно поднимаю голову с подушки и вглядываюсь в ночную темноту. Шелест невидимых листьев за окном, непонятное потрескивание справа. Глаза постепенно привыкают к темноте. Письменный стол, компьютер. На системном блоке – два неровных сгустка мрака, один побольше, другой по-

меньше. Сидят тихо, не двигаясь, как будто караулят. Я догадываюсь, кто это. Домовые или какая-то другая нечисть. Они тут скрипят и шуршат почти каждую ночь. Раньше я их слышала, а теперь и вижу. Ничего особенного, даже удивляться нечему.

А вот за компьютером сидит, сгорбившись, третий гость. Это чужак. Его присутствие и разбудило меня посреди ночи. И, что самое неприятное, он похож на человека. Я пытаюсь разглядеть его из-под ресниц, но вижу только черный силуэт. Незванный гость уставился в монитор и быстро стучит по клавиатуре, легко касаясь кнопок. Монитор темный, как ноябрьская ночь. На системном блоке не горит ни единой лампочки. Как же так – компьютер-то не включен?!

Вот теперь они меня удивили. Я, не подумавши, приподнялась на локте. Чужак за письменным столом резко повернулся в мою сторону. Блин, все-таки это не человек! Не бывает у людей таких фосфорно-белых глаз. Чужак, просветив меня своими лазерами, абсолютно бесшумно вскочил на стол, вытек через форточку на улицу и пропал в шуршании листвы.

Домовые не шелохнулись. Они по привычке полагают, что я их не вижу. Но этот все понял. Вот черт. Я слезаю с кровати. Из форточки веет холодом, пол ледяной. Я подхожу к столу и тупо смотрю в мертвый экран. Кто же это был, и что ему было нужно в моем компьютере? Там же, кроме «Варкрафта» и «Дьябло-2», ничего нет! Может, приснилось?

Сгустки тьмы на системном блоке неожиданно пришли в движение, мячиками скатились в густую тень, за письменный стол. Ишь, спрятались. Испугались, что ли? Нет, человек домового напугать не может. Мы из разных миров. Хотя... Я тоже до недавнего времени считала, что это просто ночное зрение у меня такое, черно-белое. А потом оказалось, что я вижу другой мир. Нечто серое, пустынное и страшное.

Серый мир... Прежде для того, чтобы попасть туда, требовались особое стечение обстоятельств и исключительная храбрость с моей стороны. В первый раз я побывала там нечаянно, не по своей воле, и ни за что бы не сунулась вновь без очень серьезных причин. Но однажды что-то случилось. Словно кто-то увидел меня из темноты. И навещает – все чаще и чаще.

Я подхожу к окну и встаю, обхватив себя руками и по очереди поджимая босые ноги, как цапля. За окном шумит серый лес. Утром там не будет никакого леса. Но ночью я его вижу. Это не иллюзия. А в лесу – я это чувствую – кто-то прячется. Тот, кого испугались домовые. Тот, чей хищный взгляд я впервые почувствовала в подземных книгохранилищах сожженной библиотеки, выращивая лестницу из гнилой штакетины в ядовитом дыму, кто – я в этом уверена – начал на меня планомерную охоту... Ну что ж, скоро он до меня доберется, потому что я понятия не имею, как и где от него спрятаться. Иногда я думаю, что смерть – это не самый плохой выход; по крайней мере, я навсегда избавлюсь от серо-

го мира и от того, кто ждет за окном. Но меня останавливает ужасное предположение, которое вполне может оказаться правдой: серый мир – это и есть смерть.

Я прижимаюсь лицом к стеклу и смотрю вниз...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СОЖЖЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

Черный и серый соответствуют Сатурну и миру зла; их истоки лежат во тьме, меланхолии, злобе и прозябании обыденной человеческой жизни.
Мишель Майер

1

Секретный объект

Мудрецы говорят, что случайностей на свете не бывает в принципе. Даже то, что кажется случайностью, на самом деле часть чьего-то грандиозного, неизвестного тебе плана. Напрашивается вопрос: чьего? И пусть не говорят, что в тот вечер первого июня я оказалась у метро «Старая Деревня» случайно. Хотя я сама позвонила Маринке и позвала ее гулять, и сама же предложила ей пошататься по ларькам с музыкой, а «Старая Деревня» просто оказалась ближе всего к Маринкиному дому. И, конечно же, чисто случайно в тот день задул ветер с кладбища.

Итак, вечером первого июня мы с моей лучшей подругой Маринкой болтались по торговой зоне у метро «Старая Де-

ревня» в поисках нового альбома группы «Манга», от которой у Маринки едет крыша в буквальном и переносном смысле слова. А лично я ничего конкретного не искала – просто хотелось побродить, на людей поглазеть, себя показать, расслабиться. Все-таки своего рода праздник – первый день лета...

Пока Маринка рылась в дисках и трепалась с продавцами, я расхаживала у цветочных ларьков и нюхала розы: сначала одни, потом другие, потом третьи. Все однообразно пахли подсахаренной водой. Ага, вот эта большая, багровая, с острыми загнутыми, чернеющими к краям лепестками, похожими на обгорелые свитки, пахнет по-другому – тягучей южной сладостью, похожей на низкие ноты виолончели... и чем-то горьким. Я принюхалась – горький неприятный запах усилился, нарастая, октава за октавой.

– Что это за розы у вас такие вонючие? – наконец не выдержала я.

Торговец, пацан в плеере, на вид не намного старше меня, разгадывающий кроссворд в бесплатной газете, поднял сонный взгляд.

– Ась?

– Разве вы сами не чувствуете? Ваши цветы пахнут гарью. Запах дыма был сладковато-горьковатым, тревожащим. Мне вдруг подумалось, что если долго нюхать, то с мозгами может произойти что-нибудь забавное, но нехорошее.

– При чем тут розы, – сказала Марина. – Это оттуда. – Она

показала в сторону Торфяной дороги. – Где-нибудь помойка горит.

Парень вытащил из ушей «ракушки» и встревоженно обнюхал свой цветник.

– Вот, опять повеяло!

– А-а... – Парень облегченно вздохнул. – Это не розы. Опять, блин, библиотека загорелась. Как ветер с кладбища, так здесь всегда гарью пахнет.

– Что еще за библиотека? – удивилась я. – Тут же промзона. Склады, заводы всякие. Откуда в промзоне библиотека?

– Раньше была, – добродушно пояснил парень. – Там, у Серафимовского кладбища. Ее давным-давно подожгли, лет десять назад.

– И что, она так и горит десять лет?

– Ага.

– Ни фиги себе! Но почему не потушат?

– Я-то откуда знаю? Говорят, уже тушили, и не раз, а потом проходит неделя, и опять дым ползет. Да она не сильно горит... так, тлеет себе потихоньку. Там же подземные книгохранилища были, этажей, говорят, на десять в глубину. Туда года три никто не лазал. Я слышал, какие-то пацаны пробовали, потом их мертвыми нашли – задохнулись. В общем, построили вокруг забор и успокоились. А мы тут нюхай дым... Я неуверенно усмехнулась:

– Это уже не библиотека, а какой-то вулкан получается.

– Все вранье! – категоричным тоном сказала Маринка. –

Пошли диски смотреть.

– За что купил, за то и продаю, – пожал плечами парнишка. – Не верите, сами сходите и гляньте. Пойдете через Торфяную дорогу, по грунтовке вдоль стройки, и упретесь в железные ворота. Тут на самом деле недалеко, минут пятнадцать. Только к библиотеке вас не пустят – там забором все огорожено...

– Чудеса, Маринка, – задумчиво сказала я, когда мы отошли от лотка. – Сколько лет здесь живем и не знаем, что у нас под боком неугасимая библиотека... Вот будь я лет на пять помладше, непременно попыталась бы туда залезть.

– Я бы тоже, – согласилась подруга. – Да, старость – не радость. Ну, пошли, старушка, слушать «Мангу». Новый альбом – «Шелест шифера»!

– Все-таки нашла?

Маринка с победоносным видом продемонстрировала диск. На обложке – сюрреалистическая физиономия лидера группы Тимофея Китахары, чахлого юноши с запавшими щеками и плотоядной ухмылкой. С виду ему лет шестнадцать, по выражению лица можно дать все сорок, а по глазам... увы, они закрыты зеркальными очками.

– Как я его люблю! – с придыханием сказала Маринка.

Я пожалала плечами. Гуманоидами я никогда не интересовалась. А вот библиотека меня чем-то зацепила.

– Давай сходим туда. Прямо сейчас, – предложила я. – Ну, пожалуйста. Просто заглянем, а по развалинам шариться не

будем.

– Ну, что ты, маленькая, что ли? – заныла Маринка. – Скоро замуж пора, а она все по заборам лазает.

Я слегка обиделась:

– Не хочешь, не ходи. Я одна пойду. Игнорируя Маринкино нытье, я пошла к переходу через Торфяную дорогу.

– Ладно уж! – донесся сзади голос подруги. – Но учти, я исключительно за компанию. Надо же за тобой проследить, чтобы ты себе шею не сломала. Сама будешь мне покупать новые туфли, если там грязь!

Грязи оказалось по самую шею. Перейдя дорогу, мы словно перенеслись в иное измерение – из цивильной, чистенькой торговой зоны чуть ли не на стройплощадку. Вместо тротуаров – разбитая грунтовка, недостроенный торговый комплекс, кучи мусора. Мы обошли парковку автомобилей и зашагали по грунтовке, петляя между лужами. Справа зеленели густые заросли вербы. Слева возвышался бетонный забор. За ним шумно работала какая-то строительная техника.

– Господи, что за помойка! – возмущалась Маринка. – Я уже по колено в цементе...

– Все-таки очень странно, – гнула я свою линию. – Я никогда ничего не слышала о сгоревшей библиотеке в Старой Деревне. Даже если этот пожар случился десять лет назад... Как такое может быть, чтобы здание горело десять лет – и не погасить?

– Не может, – охотно кивала Маринка. – Тебе лапшу на

уши навешали, а ты и рада. Сразу детство в попе заиграло, на графские развалины захотелось...

– Это же романтично! Не понимаю, как можно быть равнодушной к загадочным развалинам, – продолжала я, обходя широкую лужу приятного кофейного цвета. – Разве ты не чувствуешь себя Ларой Крофт?

– Я себя чувствую бульдозером. В лучшем случае танком.

– Ой, какие мы нежные. Знаешь пословицу: «Танки грязи не боятся»? Подожди, мы уже почти пришли.

Сама того не зная, я сказала правду. Минут через пять дорога свернула в заросли верб. Стройка пропала из виду. Мы уперлись в обещанные железные ворота. Остановившись, я понюхала воздух. Он отчетливо пах горьким дымом.

Для начала я внимательно осмотрела сами ворота. Они были основательные – почти не ржавые, крашенные в зеленый цвет, высотой метра три, закрытые на великанский засов. В обе стороны от ворот, теряясь в зарослях, уходил забор из бетонных плит. Справа от ворот у забора стоял потрепанный синий вагончик, в каких обычно живут строители, с дверью и окошком с белой занавеской. На боку вагончика было написано «ОА Феникс».

– Убедилась? – услышала я за спиной голос Маринки. – Все глухо. И ничего интересного.

Я отвела взгляд от ворот и задумчиво посмотрела на забор.

– Если бы как-нибудь на него взобраться, то я бы, пожа-

луй, прыгнула с той стороны. И, возможно, даже не разбилась.

– Слава Богу, что на него никак не взобраться.

– Ну почему же. А вагончик на что?

Маринка вытаращила глаза:

– Ты же не всерьез!

– Еще как всерьез.

– Прекрати! Разобьешься, дурочка!

– Спокойно. Я не собираюсь никуда прыгать. Просто влезу наверх и немножко посмотрю на пепелище.

Я двинулась в сторону вагончика, прикидывая, как бы забраться на крышу. Если, скажем, поставит ногу на дверную ручку... потом Маринка подтолкнет меня снизу... потом я цепляюсь за провода и подтягиваюсь...

– Сорвешься – на себе не потащу! – Маринка тщетно продолжала взывать к моему здравому смыслу.

Я подошла к двери вагончика и дернула за ручку, испытывая ее на прочность. Ручка поддалась неожиданно легко. Дверь распахнулась, и прокуренный мужской голос из темноты осведомился:

– Че надо?

Я шарахнулась назад. Маринка схватила меня за руку и оттащила метров на десять от вагончика. Потом мы остановились и принялись наблюдать. Через несколько секунд в дверях вагончика появился небритый и лохматый черноволосый мужик в оранжевой телогрейке поверх какой-то непо-

ребной рванины.

Он посмотрел на нас заспанным взглядом, широко зевнул и вполне дружелюбно, хоть и сипловато, спросил:

– Чего вам, девчата? Заблудились?

– Ага! – радостно подтвердила я. – Заблудились. Мы тут сквозь вас не выйдем?

– Не выйдете. Вы че, ослепли, ворот не видите? Вот дорога, по ней идите назад и упретесь прямо в метро.

– А что за воротами, стройка?

– Секретный объект. – Я не могла понять, издевается мужик или говорит всерьез. – Зона экологической катастрофы.

– С ума сойти! А вы кто, сторож?

Мужик полез в карман спецовки, достал пачку «Беломора» и принялся закуривать.

– Ишь, какие любопытные. Ну-ка, шуруйте отсюда.

– Пошли, пошли, – зашептала Маринка, дергая меня за руку.

Я медлила. Вот так сдать? Результат похода был нулевой. Я к такому не привыкла. Мужик затянулся папиросой и ушел в вагончик, но дверь не закрыл.

– Интересно, как расшифровывается «ОА»? – громко спросила я назло сторожу. – «Отойди, А то убью»?

– Наверно, «охранное агентство», – предположила Маринка, с опаской косясь на вагончик. – Пошли отсюда – видишь, как тут все серьезно?

Поддаваясь уговорам Маринки, я неохотно отошла от во-

рот. Когда мы сюда шли, мне представлялась совсем другая картина: какая-нибудь чисто символическая изгородь, к тому же давно пришедшая в негодность, а за ней – дымящиеся развалины, усыпанные остатками книг, или что-нибудь в этом роде. Кому надо охранять развалины давно сгоревшей библиотеки? А вместо этого здесь «секретный объект» и «зона экологического бедствия». Непонятно.

Прежде чем мы ушли, я успела проверить еще одну догадку. Допустим, через ворота не пройти, а как насчет забора? Может, он дырявый или давно обвалился? С таким парадоксом – могучие ворота при дырявом заборе – в детстве я сталкивалась часто. Но стоило сойти с дороги, как я угодила в воду. Похоже, заросли верб были основательно подтоплены. Везде, куда ни глянь, корявые стволы торчали из воды, как во время весеннего паводка. Вода была прозрачная, зеленоватая и пахла тиной.

– Гелька! – услышала я недовольный голос подруги. – Вылезай из кустов! Я же говорила, что тут сплошная помойка!

«А приду-ка я сюда как-нибудь еще разок, – решила я. – Только без Маринки. И исследую этот закрытый объект более пристально».

2

Встреча с Погодиной. Геле предсказывают будущее

На следующий день, чудесным июньским утром, я вышла из дома и не торопясь пошла к трамвайной остановке. Солнце нежно пригревало сквозь буйную зелень. Лето еще только начиналось, а Приморский район уже превратился в самый настоящий дремучий, опасный, волшебный лес. Новостройки Комендантского аэродрома затопило зеленое море манжетки и лекарственной ромашки. Я шла и представляла, как в этом море сбиваются с курса дома-корабли. Редкие, жалкие, трепещущие на истинно океанском ветру саженцы берез – ложные маяки в этом море сорных трав. А у нас на Савушкина, в тополиных зарослях, в старушечьих цветниках, где цветет душистый табак и плодятся бабочки-лимонницы, дворы и улицы превратились в своды и тоннели лесного царства.

Настроение абсолютно не соответствовало началу каникул. Я собиралась поехать в художку, отыскать Антонину и поставить вопрос ребром: допустят меня к занятиям в мастерскую реальности или нет? Последний раз я побывала в мастерской недели три назад, как раз в тот день, когда так много всего случилось: исчезла непонятно куда Эзергиль,

сторела моя яблоня, ушел Иван, прокляв нас всех на прощанье, а я в Сариоле заморозила до смерти двойника Саши Хольгера. С тех пор я обходила мастерскую стороной, поскольку боялась там появляться. Но сегодня утром, замученная неопределенностью, сказала себе: хватит. От судьбы не уйдешь.

В то время, когда во всех школах начинались каникулы, в художке, наоборот, набирал обороты пленэр. В июне художка обманчиво пуста. Зеленая крыша едва виднеется над буйством зелени, благоухают заросли сирени; все подходы к зданию, кроме главного, заасфальтированного, заросли могучими наглыми сорняками. В здании уютно пахнет нагретой на солнце пылью. Везде прибрано, даже у живописцев мольберты не валяются грязной кучей посреди аудитории, а помыты и убраны в кладовку. Буфет закрыт. Редко-редко пройдет ленивым шагом какой-нибудь препод. И то верно – что ему тут делать? Место препода сейчас на природе. Если заглянуть в глубь зарослей, то непременно найдешь там десяток-другой учеников-реалистов, готовящих первые, самые простые задания: «травинка», «ствол дерева», «снять», «лист щавеля»... Когда подготовительные задания выполнены, группа едет туда, куда взбрет на ум препода. Например, в позапрошлом году, когда я еще не поступила в мастерскую реальности, нашу общехудожественную группу занесло аж к Петропавловской крепости. Мы торчали там с мольбертами неделю, как группа сбжавших из дурдома пациен-

тов, а иностранные туристы то и дело заглядывали нам через плечо, восклицая: «О, русский Пикассо! Русский Малевич!» – к глубокому возмущению препода. А как-то ходили в зоопарк, рисовать зверей в динамике. Я сейчас думаю: хорошо, что у меня тогда еще не открылся дар реалиста, а то карьера доктора Моро мне была бы обеспечена.

Итак, художка была пуста. Я с надеждой осмотрела доску объявлений, но ничего относящегося к себе не нашла, кроме приказа об отчислении из мастерской реальности, висевшего там же, где и прежде. А спецкурс демиургии, похоже, вообще расформировали. Вернее, он распался сам собой. Эзергиль покинула нашу реальность, отправившись искать загадочный мир поля, и с тех пор ни слуху, ни духу. Иван, возмущенный тем, что созданный им мир оказался ненастоящим, хлопнул дверью и ушел в другое училище, а в какое – никому не сказал. Меня выгнали «за грубые нарушения профессиональной этики и поступки, несовместимые с Кодексом мастеров Чистого Творчества». Хоть бы познакомили меня с этим Кодексом, я бы знала, что нарушаю. Впрочем, незнание закона не освобождает от ответственности. На спецкурсе осталась только Погодина, но было совершенно ясно, что папаша ее отсюда заберет при первой возможности.

Я заглянула в учительскую. Там мирно попивал чаек бородатый учитель иллюзионистов. На мой вопрос он сказал, что Антонина Николаевна с группой реалистов ушла в парк на Елагин остров и передала всем опоздавшим, чтобы они

отправлялись сами знают в какое место. Я кивнула, поскольку знала, какое место она имеет в виду, поблагодарила препода, вышла из учительской и в коридоре нос к носу столкнулась с Катькой Погодиной.

Мы обе аж вздрогнули, отпрянули в стороны, а потом надменно друг на друга уставились.

Первой мыслью было: «Ну почему я все время одеваюсь, как Гаврош, в первое, что с утра под руку подвернется? Почему бы, по примеру Погодиной, не завести себе персонального стилиста, а также визажиста, парикмахера и кутюрье?»

Катька была наряжена, как на пикник с президентом: белая суперкороткая плиссированная юбка, босоножки с оплеткой голени и блуза с узким глубоким декольте, в котором матово поблескивает нечто не то серебряное, не то платиновое. Настроение у меня мгновенно испортилось.

– Привет, – неожиданно поздоровалась первой Катька. Она наверняка провела сравнение в свою пользу и решила до меня снизойти.

– Ну, привет, – настороженно ответила я. – Ты чего в художке делаешь?

– Учусь, вообще-то.

«А мини к твоим кривым ногам не идет», – мысленно парировала я, а вслух спросила:

– Нет, не вообще, а сегодня? У нас же вроде каникулы.

– Это у вас каникулы, – Погодина выделила слово «вас». – А у нас – практика.

«У кого это „вас“»? – удивилась я. А когда догадалась, то покраснела от злости и стыда. «Они» – это значит «мастера реальности». Я же теперь отношусь к большинству. К тем, кто получает общее художественное образование. С Олимпа меня изгнали, из элиты исключили. Я теперь – как все.

– Тебе не о чем переживать, – сказала с притворным сочувствием внимательно наблюдавшая за мной Катька. – Формы и средства выражения могут меняться, но искусство всегда остается искусством.

Кем она себя считает, чтобы читать нотации, возмутилась я. Антониной? А больше я ни в чьих поучениях не нуждаюсь. Не успела я придумать, как изящно отбрить Катьку, как та снова заговорила:

– Давай вместе подумаем, к чему ты больше всего склонна, если отбросить Чистое Творчество. Может, к станковой живописи? Или к компьютерному дизайну?

Ну надо же, Погодина озаботилась моей судьбой, восхищалась я. И заявила с серьезным видом:

– О да, мне с детства нравилось расписывать тарелки и чашки.

– Вот видишь! Советую тебе уже сейчас нацелиться в Мухинское. Там самая сильная школа декоративно-прикладного искусства...

– Я собиралась пойти работать на Ломоносовский фарфоровый завод, – скромно потупив глаза, пролепетала я. – Правда, сначала надо закончить ПТУ. Даже не знаю, справ-

люсь ли...

Перед моим внутренним взором встала яркая картинка: цех по росписи чашек на Ломоносовском фарфоровом заводе. В огромные решетчатые окна врывается утреннее солнце. Бесконечные ряды столов, за каждым – труженица с кистью в одной руке и чашкой в другой. Я в белой косынке и синем халате. Передо мной штабель белых чашек. Дневная норма – двести штук. Я поправляю волосы, убираю под край косынки выпавшую прядь, беру сверху штабеля первую чашку и рисую на ней аленький цветочек...

До Катьки наконец-то дошло, что я над ней издеваюсь. Она сощурила глаза, открыла рот с таким выражением, как будто собралась наговорить мне множество гадостей, но передумала и уронила:

– Бедняжка. Мне тебя правда жаль. Не представляю, как жить без Чистого Творчества. По мне, так лучше смерть.

Я почувствовала себя так, как будто меня ударили. Причем ниже пояса. И немедленно ответила тем же.

– Как там Санек? – спросила я невинным тоном. – Что-то давно мне не звонил. Дня два, наверно.

Я угадала. Стоило только произнести имя Саши Хольгера, как у Погодиной мгновенно пропали и чувство юмора, и большая часть здравого смысла.

– Он тебе не Санек, – угрожающе процедила она.

– Передавай ему от меня нежный и пламенный привет. И пусть позвонит.

– Лучше отстань от него. Если между вами что-то и было, все кончено.

– Ты можешь, конечно, так считать, – с явно притворным сочувствием сказала я. И добавила, как бы в сторону: – Бедняжка...

И, гордо пройдя мимо Катьки, двинулась в сторону двери. Однако мне решительно перегородили путь. Я слегка струхнула и подумала, что сейчас меня, наверно, будут бить. Но Катька, мрачно глядя на меня, спросила:

– Хочешь знать, что с тобой будет, когда перестанешь заниматься Чистым Творчеством?

– Будущее мне предскажешь?

– Ага. Бесплатно. Рекламная акция.

– Я бесплатными образцами не пользуюсь, – заявила я как можно надменнее.

– Бери, пока дают. Скоро не будет и этого.

– Ты о чем?

– Ты наверняка думаешь, что дар Чистого Творчества – это что-то неизменное. От рождения тебе присущее свойство, которое никуда не денется. Но он может исчезнуть. Причем очень легко. Дар на самом деле... как поезд. Или ты садишься и едешь, или он уходит без тебя...

При слове «поезд» я презрительно фыркнула и шагнула к двери, намереваясь гордо удалиться. Но Погодина схватила меня за локти, толкнула к стенке и буквально заблокировала в углу. Ее пальцы больно впились в мои запястья, и я убе-

дилась, что Катька не только старше, но и гораздо сильнее меня.

– Это происходит примерно так, – негромко заговорила Катька, глядя на меня в упор. – Сначала тебе кажется, что ничего не меняется. Но постепенно в тебе поселяется некое чувство. Оно как заноза, как мелкая хроническая болезнь, вроде насморка. Тебе все время кажется, что ты что-то потеряла, или забыла, или оставила, и надо срочно вспомнить – что именно, где, когда... Что надо вернуться и подобрать, а то будет поздно. Но ты не можешь вспомнить и поэтому чувствуешь себя все хуже и хуже. При этом умом ты понимаешь, что ничего не случилось и все в порядке, – твой дар пока еще при тебе...

В голосе Погодиной ни насмешки, ни злорадства. Он был просто мрачным. Таким голосом говорят пророчицы в исторических фильмах. Я слушала Погодину, как заколдованная, и не могла набраться силы воли, чтобы оттолкнуть ее или хотя бы послать подальше. Мне вдруг стало страшно.

– А тем временем незаметно подкрадывается следующая стадия, – продолжала Катька, гипнотизируя меня круглыми темными глазищами. – Мир вокруг тебя начинает тускнеть. Краски становятся блеклыми, звуки теряют глубину. Мир становится... некрасивым. Вернее, ты перестаешь видеть красоту, но пока еще об этом не догадываешься. А потом ты теряешь связь с миром: он уже сам по себе, отделяется от тебя и идет своим путем, а ты как будто остаешься

на обочине. Ничто тебя не радует. Ты одна в серой, отвратительной, тоскливой пустыне. И вот тут ты обнаруживаешь, что там, в этой пустыне, в которую превратился мир, – творить невозможно. Там просто не из чего творить...

Я вывернулась из-под локтя Погодиной и рванула к двери. Катка мне, впрочем, особенно не препятствовала.

– Думаешь, это не про тебя? – крикнула она мне в спину. – Не надейся! Ты не особенная!

Я обернулась в дверях и закричала:

– Можете меня выгонять! Пожалуйста! Я все равно не перестану заниматься Чистым Творчеством!

Погодина за мной не погналась. Неприязненно глядя, сказала:

– Давай, давай. Увидишь, что будет. Просто так ничего не запрещают. Один раз сошло с рук, второй, а на третий не проскочит. Говорят, лет десять назад был в нашем училище один такой... экспериментатор. Решил, что весь мир ему подвластен. А в один прекрасный день просто исчез. Его искали всей школой, конечно, но ни в одном из доменов не нашли. Понимаешь, что это значит?

– И что?

– Что он умер! Самым реальным образом!

– А мне наплевать. Я мастер реальности и навсегда им останусь! – гордо сказала я и выскочила на улицу, хлопнув дверью, чтобы последнее слово осталось за мной.

Геля выращивает в парке лотос. Ей еще раз предсказывают будущее

Я перешла через мост на Елагин остров, сразу свернула налево и пошагала напрямик, игнорируя дорожки. Мой путь лежал к некоему пруду, расположенному в самой середине парка. Посреди пруда был остров, абсолютно дикий. Деревьев и прочей растительности там было столько, что прибрежные кусты едва не падали в воду. Этот остров много лет назад облюбовали для пленэра реалисты. Еще издали я услышала доносящийся из зарослей резкий голос Антонины. Между деревьями мелькали чьи-то силуэты. К нависающей над прудом черемухе была привязана лодка, на которой реалисты переплыли на остров.

Несколько минут я бесцельно болталась по берегу, а потом смущенно окликнула какую-то парочку на проплывающей мимо лодке, попросив переправить меня на остров. Парочка согласилась. Все три минуты, пока длилась переправа, я думала, как объясню Антонине свое присутствие. А ну как она мне скажет: а вы, девушка, кто такая и что здесь делаете? Вряд ли, конечно, но с формальной точки зрения...

Не успела я сойти на берег, как тут же натолкнулась на всю компанию, расположившуюся на полянке среди кустов.

Как я и ожидала, компания была разновозрастной, из моей бывшей группы – никого. В тот момент, когда я выходила из кустов, реалисты один за другим покидали полянку, что-то унося в руках, а Антонина раздавала им прощальные напутствия. Увидев ее, я попятилась в кусты, но она меня уже заметила и помахала рукой, предлагая подойти.

Вся моя храбрость улетучилась. Краснея, я открыла рот, чтобы соврать, как я тут случайно очутилась, но Антонина молча протянула холстяной мешочек.

– Засунь туда руку, – велела она.

– Зачем? – опешила я.

– Давай, давай, не тяни.

Я с опаской сунула руку в горловину. Судя по тому, что я нащупала, в мешке были какие-то разнокалиберные зерна.

– Достань одно зерно, – поступила следующая команда. – Достала? Покажи. Так, понятно. Ну, выбери себе место и иди работай.

Не успела я опомниться, как Антонина уже почесала куда-то в заросли и скрылась из виду. На моей ладони осталось лежать семечко. С виду – обычное семечко подсолнуха, и абсолютно ничего особенного в нем не было. Я сшелушила черную шкурку и попробовала ядрышко на зуб. Подсолнух подсолнухом... И что дальше? В задумчивости доев семечко, я огляделась по сторонам и вскоре заметила у пруда чью-то белобрысую макушку.

– Эй, чего делать-то надо? – громким шепотом спросила я

обладателя макушки. Тот поднял голову и оказался маленьким большеглазым мальчиком лет десяти – наверно, годоводком. Вид у него был тоже слегка растерянный.

– Надо из семечка чего-нибудь вырастить, – полушепотом ответил он.

«Опаньки!» – подумала я, глядя на прилипшую к ладони шелуху.

– А у меня ничего не получается! – жалобно сообщил мальчишка. – Не хочет расти, подлюка!

Я продралась через кусты и уселась на травянистом берегу пруда рядом с малолетним реалистом.

– Ты не знаешь, от какого это растения? – несчастным голосом спросил он, демонстрируя мне свое зерно. Зерно выглядело крайне экзотически: засохший двудольный стручок кирпичного цвета с синей полоской посередине.

– Может, это баобаб? – предположила я. Мальчишка шмыгнул носом:

– Я полчаса тут сижу, а из него ничего не выросло. Лучше бы мне досталось что-нибудь простое, вроде гороха...

– Я бы тебе предложила поменяться семенами, но увы: меняться уже нечем, – сказала я, возвращая стручок.

Мальчик с ненавистью на него уставился.

– Сейчас разберемся, – утешила его я. – Как тебя зовут?

– Андрей.

– А меня Геля. Дай-ка мне его еще раз.

Держа стручок на раскрытой ладони, я уставилась на него,

представляя, как он темнеет, набухает, лопается пополам... как пробивается толстый белый росток, вытягивается и наливаются зеленью... По моему мнению, именно так должно появляться на свет любое растение. Но, очевидно, это было семечко особой породы. Прошло минут пять, я вся взмокла от мысленных усилий, но семечко даже не шелохнулось.

– Ничего не получится, – снова завел свою песню заскучавший Андрюша. – Я так уже пробовал. Оно меня не слышит.

– В смысле – «не слышит»?

– Антонина Николаевна перед уроком говорила: загляните в ваше семечко, в нем уже все есть. Главное – чтобы оно вас услышало.

– Может, не услышало, а послушалось?

– Нет, услышало. Я вот подумал: может, оно глухое?

Я отмахнулась, морща в раздумьях лоб. Намек Антонины ясен – надо выйти с этим несчастным стручком на контакт. Но как?

– Давай по порядку, – предложила я, отдавая стручок Андрюше. – Мы должны вырастить растение. Для этого надо, во-первых, узнать, что это за растение. Антонина сказала – заглянуть в семечко. Во, идея: может, просто расколупать его и посмотреть, что там внутри?

Андрюша сжал стручок в кулаке и решительно замотал головой.

– Ладно. Попробуем с другой стороны. Мы хотим, чтобы

из него выросло растение. Как мы можем заставить его прорасти, если он нас даже не слышит?

– Мало ли что мы хотим, – желчно заявил Андрюша. – А вот он не хочет прорасти. Мерзкий стручок.

Я поглядела на Андрюшу, и мне в голову пришла неожиданная мысль.

– А почему он не хочет прорасти? Чего он вообще хочет? Действительно, почему бы не поинтересоваться его желаниями? Андрюша, давай-ка попробуй его спросить: чего он хочет...

– Почему я? Может, лучше ты?

– Это ведь твой стручок, ты и спрашивай.

С глубоким вздохом Андрюша раскрыл ладонь и уставился на стручок. Я заметила, что он шевелит губами, как будто читает про себя. Через несколько секунд он вздрогнул, поднял голову и широко улыбнулся.

– Отвечает! – радостно сообщил он.

– Ну?! Чего хочет?

– Он хочет пить. Я разволновалась. Конечно! Как же мы сразу не догадались? Совсем ум за разум зашел с этим Чистым Творчеством. Как прорастить стручок? Да посадить его, разумеется!

– Ну мы и тормоза с тобой, Андрюха! Копай быстро ямку, будем сажать.

Андрюша вдруг опечалился.

– Я ведь уже сажал его, – разочарованно сказал он. – Мне

это давно в голову пришло. И сажал, и поливал, и обратно выкапывал.

– Ты, наверно, мало его поливал.

– Нет, много – горсти три вылил, и ничего.

– Может, его надо замачивать, как горох? За кустами слышался шум шагов.

– Пятиминутная готовность! – раздался зычный голос Антонины.

Андрюша насупился, сердито глядя на стручок. Кажется, он собрался плакать. Я напряженно соображала.

– Поливал, говоришь, и все равно он хочет пить? Вот что, Андрей. Я кое-что придумала. Только в этом есть риск.

– В чем?

– Давай бросим стручок в пруд. Пускай зальется своей водой.

Позади нас снова затрещали кусты – наверно, возвращалась Антонина. Андрюша испуганно оглянулся. Я вспомнила, какой первобытный ужас преподавательница наводила на меня три года назад, и посочувствовала ему.

– Бросай, – шепотом скомандовала я.

– Бросаю, – послушно повторил Андрюша и кинул стручок в воду.

Мы как по команде склонились над прудом. Стручок лилипутским корабликом плавал по поверхности. Через несколько секунд он начало темнеть и набухать... потом треснул по всей длине... а потом утонул.

Мы еще не успели осознать нашего поражения, когда позади раздалась кусты, и на берегу появилась Антонина. Она оглядела берег в поисках наших растений, не нашла их и грозно нахмурилась. У бедняжки Андрея задрожали губы.

– Что-то я не вижу ваших мутантов, – не сулящим ничего доброго голосом сказала Антонина.

По долгу старшинства я заговорила первая, принимая огонь на себя:

– Извините, я это... неправильно поняла задание... ваше семечко... короче... я его нечаянно съела.

Антонина посмотрела на меня так, что я почувствовала себя полной дурой, хмыкнула и переключилась на Андрюшу:

– А у тебя что за проблемы?

– Оно хотело пить... – пролепетал мальчик, растерянно показывая на пруд.

Внезапно поверхность пруда колыхнулась. Из воды выскочил толстый белый росток. Он быстро потянулся вверх, наливаясь зеленью. По воде от него бежали круги. От стебля отпочковались два отростка и на наших глазах переродились в круглые, похожие на веер листья. Листья раскрылись, опустились на воду и поплыли. На среднем стволе начал набухать круглый тугой бутон. Вскоре с легким треском бутон раскрылся, на свет показались полупрозрачные багровые лепестки, по форме напоминающие наконечники копий. Тяжелый водяной цветок, похожий на закатное солнце, несколько секунд глядел прямо в небо, а потом склонился на стебле,

как будто здороваясь с нами.

– Вау! Какой красивый! – восхищенно выговорил Андрюша.

– Это, наверно, лотос, – проявила я эрудицию.

Хитрая Антонина! Наверняка нарочно посадила Андрюшку на берегу пруда, когда увидела, что он вытянул семечко водяного растения. Я краем глаза поглядела на нее. Несмотря на традиционно придирчивый взгляд наставницы, я видела, что она довольна. Хе-хе, молодец Геля, похвалила я себя, разгадала загадку для первоклашек. Ладно, пусть мелкий порадует.

– Это Геля придумала бросить стручок в воду, – тут же выдал меня Андрей.

Надо же, запомнил, как меня зовут.

– Он бы и сам догадался, – пробурчала я. – И вообще это был его стручок.

Антонина на меня поглядела и покачала головой.

– Пошли-ка побеседуем, – сказала она.

Мы отошли к нависающей над водой черемухе, к которой была привязана лодка. Антонина села на пологий ствол, отполированный штанами и покрытый надписями, как старая скамейка. Я в ожидании приговора осталась на ногах.

– Ну что тебе сказать? – резко произнесла Антонина. – Для начала, чтобы не оставалось никаких недомолвок: в мастерской тебя не восстановили и в ближайшее время восстанавливать не собираются.

Я опустила голову и отвернулась. Все, надежда умерла. Конечно, было бы логично этого ожидать, но все-таки...

– Ты чего надулась? Плакать собралась, что ли? А сама виновата, дорогуша, ты одна, и никто, кроме тебя. И давно надо было гнать! За лень, и за самодеятельность, и за опоздания твои непрерывные! Еще зимой меня на педсовете спрашивали: ну как, тянет новенькая? А я-то тебя выгораживала: ничего, дескать, хоть и глуповата, и безответственна, но какой-то проблеск таланта имеется – давайте ее еще подержим на курсе, дадим шанс... Потому что заниматься надо, вкалывать! Пахать, пахать и еще раз пахать! А не за мальчишками бегать!

«И об этом знает!» – с трудом сдерживая слезы, подумала я. Что ж, все понятно. Теперь Антонина в последний раз порекомендует мне отправляться в ПТУ, и я пойду в художку забирать документы.

– На самом деле все не так плохо, – менее резко, чем прежде, сказала Антонина. – Сейчас идут выпускные экзамены, и всем просто не до тебя. Скорее всего, вопрос о твоём восстановлении будет решаться в сентябре.

Я вполоборота повернулась к Антонине, уловив в ее голосе намек на сочувствие.

– И как он будет решаться? – угрюмо спросила я. – Положительно или отрицательно?

– Уж этого я не знаю. Но до сентября у нас три месяца, за которые может случиться всякое. Ты в училище заходила?

– Ага.

– Задание на лето на доске объявлений видела?

– Да я не смотрела – меня же это теперь не касается.

– Еще как касается. На обратном пути зайдешь еще раз и внимательно прочитаешь. И к первому сентября изволь представить результат. Да такой, чтобы впору на городскую выставку отправлять. Придется, конечно, серьезно потрудиться, что с непривычки тяжело...

– То есть, если я сдам хорошую работу, то меня...

– Никаких гарантий я не даю, – быстро сказала Антонина. – Но имея на руках достаточно приличную летнюю работу, я смогу осенью продемонстрировать, на что ты способна. Понятно?

– Ага, – сказала я, улыбаясь сквозь слезы. – А что за тема?

– Там все написано, – отмахнулась Антонина. – И вот еще. Чтобы ты за лето не деградировала окончательно, я предлагаю тебе позаниматься индивидуально.

– С вами?

– Нет. Я летом хочу поехать на теплое море, от вас всех отдохнуть. А заниматься ты будешь с одним очень хорошим преподавателем. И не просто хорошим, а потрясающим. Ты, конечно, не в состоянии оценить масштабность его личности, но я уверена, что даже эпизодические занятия с ним будут исключительно полезными. Теобальд Леопольдович – ученый европейского уровня, кладезь энциклопедических знаний, опытнейший педагог и просто прекрасный человек.

Когда-то я и сама у него училась...

– Погодите... где-то я слышала это имя...

– Неудивительно, – хмыкнула Антонина. – Теобальд Леопольдович Хохланд. Прошлой зимой он читал у вас обзорную лекцию по истории и философии Чистого Творчества.

«Ах, это тот ветхий старикан, который чуть не убаюкал нас до смерти своим утомительным трепом?» – едва не вырвалось у меня.

– А, такой ученый дедушка с длинной бородой?

Антонина поморщилась от моей непочтительности.

– Я приложила нечеловеческие усилия, чтобы уговорить его взять тебя на лето в ученики, – укоризненно сказала она. – График занятий он составит сам, но при его занятости полагаю, что перегружать он тебя не будет. Надеюсь, ты его не разочаруешь. О благодарности я уж и не упоминаю...

– Спасибо, – выдавила из себя я. Перспектива занятий с Хохландом меня абсолютно не вдохновляла. Но если это непременно условие для возвращения в мастерскую...

Я тусовалась на острове еще с полчаса, с увлечением наблюдая, как Антонина принимает у реалистов готовые задания. Потом мы все погрузились в лодку и переплыли на материк. Дальше наши пути разделились: реалисты толпой отправились в кафе, а я – в художку, изучать задание на лето. Прочитав объявление, я сначала долго хлопала глазами, а потом расхохоталась. Либо Антонина впала в детство, либо решила над нами подшутить. Тема задания называлась

«Аленький цветочек».

4

Вещий сон

Возвращаясь домой полная надежд и радужных планов, я буквально летела над землей. Все мои мысли были о летнем задании и как бы сделать его получше. Тема, правда, казалась не особо интересной и простой, как три копейки. Что за детский сад – «аленький цветочек»? Я даже как-то разочаровалась. Но из этой примитивной темы мне предстояло сотворить нечто выдающееся и необыкновенное. «Надо почитать сказку, – думала я, весело глядя по сторонам. – Может, там найдется намек?»

Вдруг я заметила в небе столб дыма. Темное облако угрюмым грибом поднималось над домами и деревьями где-то на севере, в новостройках. Оно ужасно дисгармонировало с легкомысленным солнечным днем. «Пожар, что ли?» – с легким интересом подумала я. Нет, это не новостройки, горит ближе – скорее, у метро «Старая Деревня», а то и на Торфяном болоте. Чему там гореть? Ничего же нет, кроме строек и кладбища... «Библиотека!» – осенило меня.

Все мысли об «аленьком цветочке» и возвращении в мастерскую мгновенно вымело из головы. Июньский день и чудесная погода внезапно утратили значение. Я остановилась и принялась смотреть на дым. Темное облако, похожее на атомный гриб, медленно уползало на запад. При виде него

почему-то сдавило горло и все поплыло перед глазами.

«Она горит десять лет, и никто не может ее потушить», – вспомнились слова продавца цветов. И на миг возникло странное видение: как будто я стою и смотрю в темный колодец, и склоняюсь над ним, и падаю, и мне страшно и сладко, и я совершенно не против... Я трянула головой, прогоняя глюк, и побежала дальше.

Надо все-таки выяснить, что там такое горит. Только не так, как в прошлый раз, не лезть нахрапом. Все-таки придется идти с Маринкой – одной, без подстраховки, слишком сложно. Во-первых, мы составим план действий. Предварительную разведку уже провели. Далее – сбор сведений. Наверняка о пожаре писали в газетах. Посмотреть подшивки. Поспрашивать родителей. Запастись инвентарем. Веревки там, фонарики и все такое. И последнее – найти вход и наконец забраться внутрь...

Той ночью мне приснился очень странный сон. О том, что я оказалась на верхушке огромного тополя, того самого, который растет напротив училища, и смотрю на север, в сторону Торфяного болота. С высоты виден весь микрорайон, порывистый ветер качает ветку, на которой я стою, но неустойчивое положение меня абсолютно не беспокоит. Перед моими глазами идет небесный бой – тяжелые темно-серые тучи сталкиваются, как танки, грохоча и плюясь молниями. Земли внизу не видно в сером мареве дождя. Иногда где-то в тучах вспыхивает на миг неживой неоновый свет, а вслед за

ним мягко ворчит гром. На севере, невзирая на дождь, поднимается густой черный столб дыма.

А на соседней ветке стоит незнакомец в черном плаще. Он не обращает внимания ни на дождь, ни на высоту и даже на меня не смотрит. Я же думаю только об одном – хоть бы он никуда внезапно не исчез.

– Привет! – окликаю я его, балансируя. – Я птица Сирин, если кто не понял.

– Тебе там не тесно, птичка? – насмехается незнакомец. – Лети ко мне!

– погоди, дай угадаю, кто ты? Человек-паук? Незнакомец откидывает капюшон. Головы у него нет, зато имеются глаза цвета молнии – неживые и холодные, как галогенные лампы. Пустоту венчает железная корона.

– Хм, знакомое лицо... – задумчиво говорю я. – Бэтмэн?
– Давай я анекдот расскажу, – предлагает «черный плащ». – Вползает на брюхе в кабинет психиатра клиент. «Ну и кто это к нам пришел? – интересуется врач. – Ящерка? Змейка? Черепашка?» – «Не угадали, – отвечает клиент. – Это я так высоты боюсь».

Я захохотала и чуть не сорвалась с ветки.

– Ты мне зубы не заговаривай. Значит, не Бэтмэн... не Дарт Вейдер... Ага, точно! Верховный Назгул!

– Смотри-ка, вспомнила.

– А где твой птеродактиль?

– Да я так наловчился.

– Ладно, хватит трепаться. Это ты, Князь, – говорю я. – Я тебя уже давно узнала.

Мы стояли рядом прямо в кроне огромного дерева. Вокруг меня к тучам тянулись листики, нежные и яркие, каких никогда не увидишь внизу, такие уверенные в себе и беспечные. Все они глядели в небо, и до меня им никакого дела не было. Здесь, на верхотуре, даже воздух пах по-другому: кисло – молодыми листьями, сладко – свежим ветром.

– Тебе не надоело надо мной прикалываться? – спросила я.

– Не понял?

– На позапрошлой неделе ты обещал, что покажешься в настоящем обличье. Я прибежала к метро, как дурочка, а ты опять явился в образе демона, назадавал загадок и свалил...

– Не демона, а божества, – строго поправил меня Князь. – Тлалок – мексиканский бог дождя.

– Дался тебе этот Тлалок! У тебя что, мания величия?

– Да так, знаешь ли... ностальгия, воспоминания молодости...

По тону Князя было не догадаться, издевается он или всерьез.

– Мне-то что? Являйся хоть в виде пенька с глазами, – буркнула я. – Тоже мне, мистификатор.

– А откуда ты знаешь, что это не мой настоящий облик?

– Ой, хватит, это мы уже слышали! – вспылила я. – Просто ты хронический врун!

Князь ничего на это не ответил. Несколько минут мы молчали. Мимо нас по небу бежали облака.

– Знаешь, о чем я думаю? – заговорила я после долгой паузы.

– Обо мне?

– Ха, на этот раз не угадал! Я думаю о дереве, на котором мы сидим. Это такое место – не предназначенное для людей. Ну, то есть вообще никак. Сюда даже не залезть. Мы здесь вопреки всем законам природы. И вообще здесь все другое. Земля отсюда кажется далекой, опасной и враждебной. Верхние ветки похожи на лесных зверей, не видевших человека, – дикие, но доверчивые. Воздушное пространство, у которого свои цели и заботы, как будто отвлечется от них на минуту и присмотрится к тебе – а что это такое у нас тут появилось?

– И что?

– У меня, короче, такое странное чувство возникло... – Я замялась, думая, как бы поточнее выразить свои ощущения в словесной форме. – Что это место запретное. И то, что мы здесь, – это, типа кощунства...

– Нет, не то слово, – возразил Князь, секунду подумав. – Не кощунство, а скорее вызов. В мире куча запретных мест. И вообще запретных, и персонально для тебя. А тебя, как магнитом, именно в такие и тянет...

– Как это – персонально для меня?

– Это такое место, куда ты пока не готова попасть. Или

оно вообще не для тебя. Или, наоборот, персонально тебя там поджидает враг. В общем, там тебя ждет такой вызов, с которым ты не в состоянии справиться.

– Хе! И как я узнаю, что это место для меня запретное?

– А на персонально запретных местах обычно персонально для тебя написано: «Не влезай – убьет». Ну, не так прямо, конечно. В завуалированной форме...

– А если я все-таки туда попаду?

Князь многозначительно промолчал. Я энергично пожала плечами:

– Значит, если я вижу запретное место и захожу туда, я бросаю ему вызов. Пусть так. Но если я иду по улице и натыкаюсь на запретное место, на котором написано: «Не влезай – убьет», то это место бросает вызов мне.

– Смотри, нарвешься...

– Это намек?

– Да.

Князь указал на столп дыма над Старой Деревней:

– Мы сейчас говорим с тобой именно об этом. Не ходи туда. Сожженная библиотека – это очень опасное место. Тебе даже не представить, настолько опасное. Почти нет шансов выйти оттуда живым. И хорошо, если просто, банально сгоришь или задохнешься...

Я упрямо промолчала.

– Ты ведь уже попалась, – печально сказал Князь. – Оно тебя выбрало и зацепило. Так всегда и бывает. Не ты первая.

– Я буду очень осторожна, – сказала я, чтобы утешить его. – Ты ведь поможешь мне в случае чего?

– Нет, – сухо сказал Князь. Я удивилась:

– Почему нет?

– Не смогу.

– Как это – не сможешь?

– Я не имею права тебе сказать.

– Да ты просто вредничаешь.

– И более того, – холодно продолжал Князь. – Как только ты вступишь на территорию библиотеки, ты больше меня не увидишь и не услышишь.

– Это что, шантаж?

– Нет. Я тебя просто предупреждаю. Рассчитывай только на себя.

– Да я именно этого и хочу! – рассердилась я. – А ты со своими бесполезными советами только мешаешь.

– Тогда прощай.

– Ну и катись отсюда.

– Последний совет, – тяжело вздохнув, сказал Князь. – На тот случай, если ты все-таки уцелеешь в библиотеке. Когда попадешь в такое место, откуда не будет никаких выходов, произнеси слово «конец» и сделай так...

Князь Тишины прикоснулся к стволу дерева, на котором мы стояли. Не успела я удивиться этому движению, как в дерево ударила молния.

Я вижу и осязаю это пламя – белое, трескучее, сыплющее

искрами; оно заполняет собой все небо, превращая его в огненный снегопад. Мы падаем вниз... мы горим. Горит черный плащ, горят орлиные крылья. Князь Тишины растворяется в огненных сполохах. Ну и гори, предатель. Умирая, он смеется – как всегда. Нет больше ни земли, ни неба – только белое пламя. Я ничего не вижу и не слышу, по щекам ползут слезы, и я просыпаюсь.

Потом я долго лежала без сна, глядя, как за окнами уходит короткая белая ночь, и обдумывала сон. Сон ли это был вообще? Или это Князь выбрал такой странный способ общения? А почему именно во сне? Наяву нельзя было поговорить, что ли? Одно ясно – меня хотели предостеречь. Неужели он действительно покинет меня, если я сунусь в библиотеку? «Поздно. Все решено, – подумала я. – Завтра начинаю собирать сведения о библиотеке. А послезавтра мы с Маринкой...»

Я незаметно уснула снова, и на этот раз приснилась пустыня. Оранжевая ребристая пустыня, окруженная черной стеной ночи, зловещей, пахнувшей гарью и дымом. А посреди пустыни стоит башня из белого ракушечника. Она вызывает у меня ощущение спокойствия, мира и безопасности. Но чем ближе к горизонту, чем ближе к стене тьмы, тем сильнее проникают в сердце мрачные предчувствия. Эти предчувствия невозможно даже сформулировать. Они не имеют формы и ежесекундно меняются, как тот столб дыма за железной дорогой возле Старой Деревни. Может быть, так действует на

меня темнота. Но почему мне так весело?

5

«Аленький цветочек»

– попытка первая

На следующий день лил дождь, и поход в библиотеку пришлось отложить. Все утро я перелистывала старые газеты, выискивая статьи о пожарах, но ничего толкового мне не подвернулось. Тогда я решила заняться «аленьким цветочком» и для начала хотя бы прочитать первоисточник. Сказка обнаружилась в академическом собрании сочинений Аксакова. Я с трудом прочла ее, продираясь через архаичный язык, и глубоко задумалась. Похоже, в задании Антонины была скрыта подстава (впрочем, как всегда). В сказке имелась следующая фраза: «Во многих странах побывал купец, и видел много прекрасных цветов, но ни об одном нельзя было сказать, что краше его нет на белом свете». То есть это должен быть такой цветок, при виде которого можно сразу с уверенностью сказать: best. Лучший цветок на свете. Несравненный, идеальный. Когда до меня дошло, чего от нас хочет Антонина, я поняла, что с этим заданием мне предстоит хорошо помучиться.

Но судьба пошла мне навстречу. Мама, придя с работы, вычитала в газете «Петербургские ведомости», что в Ботаническом саду в эти выходные намеревается расцвести уни-

кальная лиана. Раз в год, на одну ночь, на этой лиане распускается белый фосфоресцирующий бутон неземной красоты. Цветение этой лианы – всегда небольшой праздник городского масштаба и повод для многолюдного ночного паломничества в Ботанический сад.

– Сходим? – предложила мама.

Раньше бы я и не подумала пойти. Эка невидаль, бутон на лиане. А теперь меня словно озарило – вот он, аленький цветочек, в готовом виде! Остается только поменять цвет с белого на красный.

Несмотря на позднее время, очередь на вход в Ботанический сад было видно еще от метро «Чернышевская». В призрачной полутьме белой ночи безмолвный человеческий хвост, обвивающийся вокруг стеклянных оранжерей сада, выглядел жутковато и заранее вселял депрессию в посетителей. Мама ужаснулась количеству любителей живой природы, и мы чуть было не уехали обратно. Но, как выяснилось, очередь двигалась довольно быстро. Ввиду наплыва посетителей работники Ботанического сада прогоняли людей мимо бутона чуть ли не бегом. Не прошло и получаса, как мы проникли под стеклянные своды оранжереи.

Это было все равно что оказаться посреди ночи в тропическом лесу. Звуки гасли в теплом влажном воздухе. Свет был потушен, кроны пальм казались черными на фоне белесого ночного неба. Не было слышно ничего, кроме монотонного шороха ног и звука падающих капель.

Лиана, толстая, как анаконда, обвивалась вокруг мраморной колонны. Люди, не доходя до нее полутора метров, задерживались на несколько мгновений и поворачивали обратно с восхищенным шепотом. Должно быть, там и цвел знаменитый бутон. Я вставала на цыпочки и вытягивала шею, как могла, но не видела ничего, кроме расплывчатого белесого пятна, которое к тому же то и дело закрывали от меня спины посетителей. Наконец наступила наша очередь, и мы с мамой оказались напротив колонны. Я обшарила взглядом мрамор, но бутона не увидела. Где же он? Может, я не там ищу? Судя по растерянному виду мамы, она тоже не видела цветок. Очередь остановилась.

– А где же ваш цветок? – обратилась мама к сотруднице оранжереи, следившей за тем, чтобы посетители не хватили бутон руками.

Сотрудница взглянула на лиану с такой же растерянностью, как и мама.

– Только что был тут... Неужели все-таки сорвали, мерзавцы?! Подождите секунду... Фу! Вот он!

Сотрудница с явным облегчением показала пальцем на что-то темненькое, сарделькообразное, прилепившееся сбоку к лиане. На цветок это было похоже меньше всего.

– А почему оно не светится? – влезла я.

– Ой, бутон закрылся! – с удивлением сказала сотрудница. – Непонятки какие-то. Он вообще-то до рассвета должен цвести...

Народ за моей спиной заворчал.

– Что за кидалово? – донесся обиженный голос. – Я за цветок деньги платил!

– Вероятно, в этом году сезон цветения уже закончился, – предположила сотрудница.

– Ну, что же делать! – плачущим голосом сказала мама. – Пойдем, Гелечка, домой. Значит, не повезло.

Я не двигалась с места, хотя уже подталкивали в спину. Во мне закипало бессмысленное возмущение. Я злилась на цветок. Вот угораздило же его закрыться не вовремя! Все планы сорвал! А теперь уж до следующего года не раскроется.

– Это нечестно! – заявила я. – Тот парень правильно сказал – кидалово! Пусть деньги возвращают!

– Гелечка! – укоризненно сказала мама. – Это же дикая природа, тут ничего нельзя предсказать. Пошли домой.

– Нет, вы видели, какая подлость?! Я была вне себя от возмущения. «Проходите, девушка, не задерживайтесь», – буркнула сотрудница. Люди уже подпирали меня сзади. Я прошла мимо цветка, глядя на него с бессильной злостью. Кожистые лепестки были сомкнуты плотно, как челюсти варана. Я прошла шагов десять к выходу, когда над залом пронесся, как порыв ветра, дружный вздох: «Ах!!!» Оглянувшись, я заметила дрожащее светящееся белое пятно, которое тут же скрыли от меня спины посетителей. «Чтоб ты сдохла, поганая лиана!» – злобно подумала я и, скрежеща зубами, принялась проталкиваться к выходу. Теперь я догадалась –

цветок закрылся специально для меня.

Как в таких случаях образно выражается Антонина – «хлявы не будет».

6

Геля собирает сведения о библиотеке в Интернете и навсегда ссорится с Мариной

Все следующее утро я занималась сбором информации. Отложив «аленький цветочек» в долгий ящик, переключила внимание на то, что интересовало меня гораздо больше, а именно – на загадочные руины библиотеки. Для начала решила пойти по самому простому пути: включила компьютер, зашла на «Яндекс» и набрала в поисковой строке слова «Старая Деревня», «пожар» и «библиотека». Среди того, что там повылезало, мое внимание привлекли следующие статьи:

Из «Петербургский ведомостей» за 199... г. «Пожар в библиотеке».

«Сегодня ночью в книгохранилище библиотеки Академии художеств по ул. Торфяной, д. 4, неподалеку от Серафимовского кладбища внезапно начался пожар. За считанные минуты пламя распространилось на второй и третий этажи, охватило крышу, перекинулось на близстоящие деревья, угрожая корпусам Северного завода. Приехавшему по тревоге пожарному наряду спасти здание не удалось. Что не уничтожил огонь, погубила вода: при тушении пожара книгохранилища подвалы библиотеки были полностью затопле-

ны. Погибли более пятисот тысяч ценнейших книг и рукописей со всего мира, собранных академией более чем за двести лет существования...

Книгохранилище было построено на спонсорские средства и открылось всего три месяца назад, причем последние книжные фонды были перевезены туда только за несколько дней до пожара. Здание было спроектировано и выстроено по последнему слову техники, с многоуровневой сигнализацией, автономной противопожарной системой и т. д. Прокуратурой Приморского района Санкт-Петербурга возбуждено уголовное дело о поджоге. Однако никаких явных свидетельств пока не имеется... Руководство академии высказало подозрение, что пожар должен был замаскировать следы крупной кражи...»

Районная газета «Приморский курьер», 199... г.

«Тела двух подростков, пропавших без вести 18 сентября, были найдены в развалинах бывшего книгохранилища возле Серафимовского кладбища. Судя по всему, причиной смерти было отравление угарным газом: несмотря на то что со времени пожара прошло более года, книгохранилище все еще продолжает тлеть... Председатель районной администрации приказал обнести развалины бетонным забором, чтобы подобные трагические происшествия больше не повторялись».

200... г. 5-й канал, «Петербургские тайны»

«А вот еще любопытный факт (ведущая берет со стола по-

темневший томик). Это – одна из немногочисленных книг, спасенных при пожаре в книгохранилище Академии художеств шесть лет назад. В свое время это было громкое дело, о котором вы, уважаемые зрители, уже наверняка не помните. Обратите внимание (вертит книгу перед объективом) – обложка практически цела. Теперь мы открываем книгу – видите?! Страницы сгорели! При том, что книга стояла на полке в плотном ряду других книг! Такое ощущение, что она выгорела изнутри. В других книгах мы обнаружили еще более странные вещи: прожженные извилистые ходы, как будто книга была проедена огненными червями; точечные возгорания отдельных страниц, когда другие оставались целыми... Выгорали отдельные слова, отдельные строчки... Вы понимаете, что это означает? Нам приходится сделать вывод, что причиной пожара была не неисправность проводки и не кража с поджогом, как подозревали прежде, а редчайшее явление – самовозгорание книг. Наука этот факт не подтверждает, но и не опровергает...»

Вот оно что! Книгохранилище-то принадлежало Академии художеств, моим, так сказать, собратьям по Чистому Творчеству! Но это полностью меняло дело! Господи, что же они там такое хранили, что оно не может погаснуть уже десятый год?! Все-таки интуиция меня не обманула! Я с удвоенным вниманием принялась читать дальше.

До обеда я просидела за компьютером, занимаясь неблагодарным делом: пыталась построить график пожарной ак-

тивности библиотеки и систематизировать сведения о ней. График строился с трудом из-за огромных пробелов в данных. Своего сайта у библиотеки не было, а на сайте академии о книгохранилище в Старой Деревне упоминалось одной строкой, причем, что интересно, как о действующем. О пожаре не было ни слова. Ну лентяи, сколько ж лет они не обновляли сайт, подумала я и принялась читать дальше.

Согласно разрозненным интернетовским статьям, библиотеку пытались потушить раз восемь в течение первого года; потом почти на год оставили в покое – либо надоело, либо она действительно погасла. Новый всплеск произошел через год, когда там задохнулись те подростки. В книгохранилище вылили целое озеро воды (не потому ли все окрестности превратились в болото?) и построили вокруг развалин забор. После этого туда никто не совался почти три года – до прошлого лета, когда группа каких-то деятелей, не то краеведов, не то эфэсбэшников, попыталась проникнуть в подвалы хранилища. Об этой попытке вскользь упоминалось в той передаче о книгах, проеденных огненными червями. Зачем туда полезли эти люди, кто они были такие и нашли ли они что-нибудь толковое, ничего не говорилось. Упоминалось только, что они не смогли спуститься глубже второго подземного этажа из-за воды и невыносимой атмосферы, отравленной дымом и миазмами гниения, и внезапно начавшегося возгорания.

С тех пор на развалинах никто официально замечен не

был.

Картина в общих чертах получилась такая. Сразу после пожара по всем СМИ прошла невнятная информация о возгорании в библиотеке – очень коротко и в общих чертах. Книгохранилище стояло в отдалении от жилых домов, жертв при пожаре, кажется, не было (по крайней мере, трупов не нашли). Через год же, в связи с тем несчастным случаем, к библиотеке пробудился нездоровый общественный интерес. Пошли разговоры о поджоге, о краже, о замалчивании истинного объема ущерба и о человеческих жертвах. Что характерно – академия всеми силами старалась избежать огласки. Ее начальство не давало комментариев, отрицало все скандальные догадки и твердо придерживалось версии о случайном возгорании по причине неисправной проводки. На все вопросы о сгоревших книгах академики заявляли, что ничего особенно ценного не пострадало, и всячески давали понять властям, что пожар – это их внутреннее дело. В принципе, в этом не было ничего удивительного. Даже если обычные районные художественные училища тщательно засекречивали две трети своей истинной деятельности, что уж говорить об Академии художеств.

Вывод напрашивался смелый, но незамысловатый: мистическая неугасимость библиотеки (если не сам пожар) – дело рук самих академиков. Если рассматривать дело с такой точки зрения, находила объяснение и другая закономерность: как только в развалины кто-то пытался залезть, возникал по-

жар, начинал валить дым, и библиотеку принимались тушить по новой. Вопрос – что именно пытались там скрыть?

Я откинулась на спинку кресла, очень довольная своими дедуктивными и аналитическими способностями. Ситуация понемногу прояснялась. Конечно, загадок оставалось все равно больше, чем разгадок. И среди них главные: почему загорелась библиотека, что именно там сгорело, и как мне туда забраться, не подвергаясь опасности задохнуться или сгореть заживо.

Да, мое намерение только окрепло: я собиралась залезть в хранилище и посмотреть на него собственными глазами. Я не сомневалась, что смогу увидеть гораздо больше, чем пожарники и случайные искатели острых ощущений. Я ведь все-таки демиург. А у мастеров Чистого Творчества порой попадаются очень, очень интересные и полезные книги. Я-то знаю. Чтобы завладеть такой книгой, знающий человек может пойти на что угодно. В том числе и ограбить библиотеку... и поджечь ее...

Закончив с поисками, я сохранила данные, поставила на папку пароль, позвонила Маринке и позвала ее гулять. Встретились мы снова у «Старой Деревни». Маринка по привычному маршруту направилась к музыкальным ларькам. Я крепко держала ее под руку и тянула к переходу, в сторону развалин, попутно захлеб рассказывая о своих сетевых открытиях. Маринка упиралась и никакого энтузиазма не проявляла.

– Ты представляешь?! – в сотый раз воскликнула я, заканчивая рассказ. – Правда, классно?!

– Глупости все это, – проворчала подруга. – Пошли на Елагин, возьмем лодку и поплаваем, пока погода не испортилась.

– Какая еще лодка? Мы же идем сейчас искать путь в развалины!

Маринка резко остановилась:

– Почему это «мы»? Я никуда не собираюсь. Я посмотрела на подругу с удивлением. Такое безразличие не укладывалось у меня в голове.

– Ты что, не хочешь со мной идти?

– Снова на ту помойку? Нет уж!

– Даже если я попрошу?

Маринка упрямо помотала головой. На ее лице было написано крайнее отвращение к моему предложению.

Я стояла и молчала, не зная, что делать. Маринкина несговорчивость огорчила меня сильнее, чем можно было ожидать, но самым печальным было то, что она просто не понимала меня. Особенно сейчас, когда мне так нужна была ее компания... и, возможно, помощь.

– Даже не зови меня в это мерзкое место, – продолжала Марина. – И сама там не шастай.

– Да чем же оно тебе так не нравится?!

– Не нравится, и все. У меня предчувствия. Там опасно.

– Опасно?! – повторила я почти в отчаянии. – Ну конечно,

опасно! Разумеется! А что ты ожидала – что в такую библиотеку можно лазать каждому встречному-поперечному? «Заходите, люди добрые, берите, что хотите!» Поэтому я и предлагаю: давай подстрахуемся и пойдем вместе. Вдвоем-то безопаснее! Осторожненько заберемся и все там изучим – сначала наверху, потом внизу...

– Нет и нет!

– Я даже не хочу, чтобы ты лезла внутрь. Мне надо, чтобы кто-нибудь постоял наверху и покараулил...

Я продолжала уговаривать подругу и видела, что все мои старания напрасны. Это было безнадежно. Наверно, надо было оставить ее в покое, но я разозлилась не на шутку, и меня понесло.

– Ты просто трусиха!

– А мне наплевать, что ты обо мне думаешь.

– Тебе вообще ничего в жизни не интересно, кроме своей «Манги», – бросала я обвинения. – Ты ограниченный человек. Через десять лет станешь жирной теткой с жирным мужем и тремя жирными детьми и тогда вспомнишь, как отказалась со мной пойти на развалины.

– А ты застряла в детстве – все бы по помойкам лазать и на неприятности нарываться.

– Ты уже и разговариваешь, как тетка.

– Я вообще с тобой разговаривать не желаю!

– Ну и не надо!

Я развернулась и, кипя от злости, пошла к переходу. Ша-

гов через десять я оглянулась, надеясь, что Маринка передумала и догоняет меня, но увидела только ее спину: Маринка быстро уходила в сторону метро. «Вот и все, Гелечка, – ожесточенно объявила я себе. – Давно копилось, зрело и наконец прорвалось. Больше у тебя подруги нет. Ну и не надо мне таких подруг».

Перейдя через улицу, я свернула в заросли верб и побрела наугад, не выбирая дороги. Ноги скоро промокли, а в глазах все расплывалось от внезапно нахлынувших слез. Ну почему меня окружают сплошные предатели?! Сначала Князь, теперь – Маринка... Только вчера я считала, что быть более одинокой нельзя. Оказалось – можно.

Блуждая в глубоких лужах среди верб, я неожиданно вышла к железной дороге и, взобравшись на высокую насыпь, дальше побрела прямо по шпалам. С насыпи было много чего видно: забор вокруг библиотеки, поднимающийся над вербами, ржавый трактор, стоящий к этому забору вплотную... Если бы Марина не бросила меня так подло, как бы нам было сейчас весело, как бы мы строили планы проникновения в развалины, рассматривая и откидывая те или иные способы! А теперь мне на все наплевать, даже на библиотеку со всеми ее зловещими тайнами.

Забор закончился, утонул в зеленых зарослях. На смену вербам пришли тополя, потом березы, и вскоре под березами появились кресты. Похоже, я дошла до Серафимовского кладбища. Впереди, на переезде за тополями, раздавались

резкие короткие звонки. Я сошла с рельсов и несколько минут простояла под насыпью, ожидая, пока пройдет электричка, а потом вытряхивая грохот из ушей. После того как электричка скрылась из виду, кладбище показалось мне еще более тихим, чем прежде. Кладбище же направило мои мысли в несколько необычную сторону. «Надо похоронить свое прошлое, – думала я, возвращаясь на рельсы. – Прежняя Геля умерла – та, которая была влюблена в Сашу Хольгера, ходила в художественное училище и дружила с Маринкой. Все ее покинули, даже дух-покровитель, Князь Тишины. Новая Геля круче, она – демиург-одиночка, мастер без школы. Она никого не любит, ничего не боится и не рассчитывает ни на кого, кроме себя. У нее нет ни друзей, ни помощников. Только она сама знает, куда идет, и никто не имеет права указывать ей».

– Никто! – крикнула я, вспомнив сон про разговор с Князем Тишины на вершине тополя. Выкрик предназначался Князю.

Итак, похоронить прошлое. Как же это сделать? Устроить поминки по самой себе! Это должны быть веселые поминки, как в анекдоте: «Хоронили тещу – порвали два баяна», – потому что я провожаю отжившее, которому туда и дорога. И вообще, веселые поминки – это национальная традиция, корни которой уходят в языческую древность. Я читала в каком-то журнале, что если вы истерически хохочете во время фильма ужасов, то это, дескать, не что иное, как «риту-

альный смех» – генетический пережиток языческих обрядов жертвоприношения. Настроение мое существенно повысилось. Я резво шагала по шпалам и обдумывала детали. Где? Когда? Кого пригласить?

Насчет «где» мне в голову сразу пришла замечательная мысль. Почему бы не пойти в какой-нибудь ночной клуб? Правда, туда пускают только совершеннолетних, но я же мастер реальности – что я, внешность изменить не смогу? Когда? Да хоть сегодня вечером! Пойду ненадолго, часа на три, а родителям что-нибудь сокру.

С выбором клуба особых проблем не было. Недалеко от метро «Черная речка» располагался некий «Мираж» – неприятозательное заведение, посещаемое в основном местной молодежью, мимо которого я регулярно проходила по дороге в училище. У входа постоянно висели афиши с объявлениями о разных праздниках, конкурсах и стриптиз-шоу, так что скука мне не грозила. Вопрос – кого взять с собой? Раньше бы я сразу позвала Маринку, но теперь она в том самом прошлом, которое я буду сегодня хоронить. И тут меня посетила такая потрясающая идея, какой я никогда от себя не ожидала. Почему бы мне не пригласить в клуб Сашу Хольгера?!

От этой мысли у меня по спине побежали мурашки, как будто я на миг перенеслась в прошлое. Позвонить ЕМУ? Хм, почему бы и нет? Еще месяц назад это было абсолютно нереально. Но сейчас я чувствовала себя так, как будто мне под-

властно все. Слегка опасаясь, чтобы не прошел прилив энтузиазма, я в приподнятом настроении вприпрыжку побежала по рельсам в сторону ближайшей станции.

Поход в «Мираж».

Геля танцует стриптиз

Придя домой, я первым делом позвонила Саше Хольгеру. Постоянно напоминая себе, что мне на него наплевать, я набрала номер и сказала «Привет», понятия не имея, что скажу потом.

Дальше все выглядело так:

– Привет!

– Э... Привет (после паузы, без энтузиазма).

– Как жизнь?

– Да так... ниче ваще... (сдержанно).

– Чего делаем?

– Да ваще ниче...

– Я вот подумала, – мосты сожжены, – не хочешь сегодня вечером сходить со мной в ночной клуб?

На другом конце – раздумье и растерянность.

– Да я вроде собирался в гости...

– Слушай, не так уж часто я звоню и приглашаю тебя в клуб! – Я неожиданно рассердилась. – Можешь один день обойтись без своих гостей. Или пойдешь туда завтра. Я ведь могу и передумать.

– Хм... – Саша размышлял. – Тебе что-то конкретное от

меня надо?

– Ничего мне от тебя не надо! – Мне надоело препираться. В конце концов, я ему сама звоню! Такую честь оказываю! Мог бы оценить мой подвиг, только куда ему! Счастья своего не понимает! Хотя сейчас-то уже без разницы... – Последний раз спрашиваю – пойдешь или нет?!

– Ну ладно, – услышала вдруг я, уже почти потеряв надежду. – Когда и куда идем?

Положив трубку, я некоторое время стояла у телефона, сдавленно хихикая от радости. Согласился! Как это, оказывается, просто! А я-то целых полгода ходила вокруг да около, лишний раз взглянуть на него, принца прекрасного, боялась. Зато теперь, когда меня больше не интересовали его чувства ко мне, я могла делать с ним все, что хочу.

Все шло к тому, чтобы поминки по «мне прежней» удались на славу. До вечера оставалась куча времени, которое я потратила на выбор наряда и макияж. Перерыв платяной шкафа, я нашла нечто, отлично подходящее, по моему мнению, для ночного клуба, – черные шелковые брючки в обтяжку и мамину черную кружевную блузу. Блуза была великовата, и из ее глубокого ворота то и дело выпадали плечи, но я подумала, что так даже пикантнее. Волосы я свободно распустила по спине, вдела в уши серьги со стразами, обвела глаза тонким черным контуром, накрашила губы ярко-розовой помадой, посмотрела на себя в зеркало и решила, что мне вполне можно будет дать лет двадцать пять.

Мы встретились напротив клуба в начале одиннадцатого. Я предусмотрительно опоздала минут на десять, и мы подошли к дверям одновременно. Судя по Сашиным вытаращенным глазам, преобразилась я как надо.

– Приветик, – развязно сказала я. – Ну что, оторвемся по полной?

– Здорово, – приветствовал меня Саша. – Я тебя сразу не узнал. Забойная кофта.

Я с трудом удерживалась, чтобы сохранять на лице надменно-спокойное выражение, а не ухмыляться торжествующе во весь рот, как конквистадор при виде сокровищ инков.

Проникновение в «Мираж» прошло безукоризненно. Охранник не потребовал паспорт ни у меня, ни у моего кавалера, только обшарил Сашу с головы до ног на предмет оружия. Судя по его взглядам, он был не прочь обшарить и меня, но под моей блузкой нельзя было пронести незамеченной даже зажигалку.

Мы с трудом нашли свободный столик. Свободным он был относительно: лежащая на нем пачка сигарет сигнализировала, что хозяин куда-то временно отошел. Мы, не сговариваясь, сели, вытащили из пачки по сигарете, а остальное Саша скинул под стол – типа: «Не знаем вас, и не было тут никаких сигарет». Саша стрельнул у соседей зажигалку и дал мне прикурить. Через полминуты я уже вовсю дымила, откинувшись на спинку стула, и с удовольствием глядела, как под потолком, в химическом дыму, пляшут ядовито-зе-

ленные лазерные лучи. Господи, сколько же тут было народу! Танцующие, бродящие туда-сюда парни и девушки то исчезали в ослепительных вспышках, то фосфорными пятнами выступали из черноты. Все белые детали одежды начали излучать собственный свет, как радиоактивные. Я хихикнула, заметив, что у девушки за соседним столиком под черной блузой ярко светится белый бюстгальтер. Может, так и задумано?

– Ну, как тебе тут? – крикнула я своему кавалеру, наклоняясь почти к самому его уху, чтобы перекричать музыку.

– Нормально. – Саша курил, не глядя по сторонам. Вид у него был какой-то напуганный и неуверенный. Меня же, наоборот, распирали азарт и жажда деятельности.

– Я думаю, надо чего-нибудь выпить, – предложила я.

Саша согласно кивнул, но развивать эту тему не стал. Я тоже пока молчала. Время между тем шло. Поддерживать беседу в таком грохоте было невозможно.

– Может, пойдешь к стойке, закажешь нам что-нибудь? – не выдержала я. – Мне какого-нибудь вина.

Саша с глубоким вздохом встал и ушел в сторону стойки. Что за увалень такой, возмутилась я. Девушка его в клуб пригласила – он должен от счастья прыгать, а не сидеть с таким видом, как будто ему хочется скорей домой, поспать. Может, он еще захочет, чтобы я за него заплатила?! Нет, тогда наши пути расходятся раз и навсегда.

Я достала из сумочки пудреницу, проверила, не потекла

ли тушь – нет, все классно, вокруг глаз аккуратные роковые круги, вон и лысый мужик в черной футболке из-за того столика мне подмигивает, кажется, уже двинулся приглашать на танец, что в мои планы не входило... К счастью, вернулся Саша. Лицо у него было такое, будто он съел стручок декоративного красного перца. В руках он нес два пластиковых стаканчика с чем-то желтым.

– Это что? – удивилась я, понюхав сомнительную жидкость. – На вино вроде не похоже...

– Пиво «Балтика тройка», – мрачно заявил Саша. – Шестьдесят рублей за ноль-три. Совсем охренели. У метро пол-литровая бутылка стоит тринадцать рублей. И это самое дешевое, что у них там есть. На вина я даже не глядел.

– Спасибо, – не менее мрачно ответила я. Все тот же любезный кавалер. В принципе, я и сама могла бы купить себе вина. Но было принципиально важно, чтобы меня угостил Саша. Вот и получила – на мне нагло и откровенно сэкономили. Зачем я его сюда притащила? Зачем сама сюда пошла?

Зачем-зачем – веселиться и танцевать. Да ну его, этого Сашу Хольгера. Не дорос он еще в ночные клубы ходить. Пусть сидит букой в углу и считает свои копейки, а я пойду на танцпол.

Я одним глотком выпила свое пиво, забралась в толпу танцующих и начала отплясывать нечто лихое под электронные обработки самой тупой российской попсы, надеясь, что Саша на меня смотрит, а может, даже и восхищается. Че-

рез некоторое время вокруг начали виться кавалеры. Сзади незаметно подобрался лысый в черной футболке и принялся навязчиво знакомиться, приглашая прокатиться в сауну. На мой глупый вопрос «зачем» он заржал и вскоре свалил. Когда начались медленные танцы, я вернулась к нашему столику, полная решимости умереть на месте, но вытащить потанцевать Сашу. Однако Саши за столиком не было. Вместо него сидел какой-то пожилой тип лет сорока с сонным лицом – впрочем, при виде меня оно сразу оживилось.

– А где... – растерянно спросила я его, вертя головой по сторонам.

– Что, девушка, кавалера потеряли? – насмешливо спросил тип. – А нечего чужой столик занимать. Специально оставил пачку сигарет, возвращаюсь – уже сперли! Да вы присаживайтесь. Никуда ваш кавалер не денется – вон он, у стойки.

Саша действительно сидел на высоком табурете у стойки и трепался с барменом.

– Шампанского не желаете? – искушающе спросил владелец сигарет.

Я оглянулась на Сашу и сказала, что желаю. Этот посетитель клуба, в отличие от лысого бандюги, не выглядел опасным.

Официантка принесла бутылку, завернутую в салфетку, и два нормальных бокала. Мой новый кавалер сам разлил шампанское и предложил тост за знакомство. Звали его Сла-

вик. В качестве соседа по столику он оказался просто идеален. Он не давил на психику приглашениями в сауну, поддерживал легкую беседу ни о чем, приветливо улыбался и подливал мне шампанского – в общем, вел себя именно так, как, по моему представлению, должен вести себя человек, пришедший в клуб, чтобы приятно провести время. Саша же плотно засел у стойки. Пару раз он оглянулся, проверяя, на месте ли я, а потом и оглядываться перестал. Вконец обидевшись на него, я снова пошла танцевать.

Вторая порция танцев запомнилась уже урывками. Вот я выплясываю с кем-то рок-н-ролл и улетаю к стойке, валяю по дороге народ; вот сижу на табурете рядом с Сашей и делюсь с ним сокровенными мыслями, не интересуясь, слушает он меня или нет; дремлю за столиком, а Славик открывает вторую бутылку шампанского; смотрю на чье-то бледное, мокрое, с жуткими черными разводами вокруг глаз лицо, выплывающее из тумана; по лицу стекают капли воды, виски ломит от холода, туман расступается, и я постепенно осознаю, что это я смотрю на себя в зеркало в женском туалете и плещу в лицо холодной водой, чтобы прийти в себя. Когда мне это удастся, я возвращаюсь в зал, где ди-джей как раз объявляет конкурс стриптиза.

На небольшой высокой сцене возник полуголый парень с роскошной фигурой и туповатой физиономией и начал делать приглашающие жесты. Я подошла к своему столику. Теперь диспозиция поменялась: Славик куда-то делся, а вер-

нувшийся Саша цедил пиво и глядел на полуголого с видом крайнего отвращения.

– Чего это он там вертится? – поинтересовалась я, кивая в сторону парня.

– Приглашает желающих станцевать стриптиз. – Позади незаметно возник Славик, на нем висла какая-то нетрезвая девица. – Я бы на вашем месте принял участие в конкурсе.

– Не ходи, – мрачно донеслось со стороны Саши.

– Идите, девушка, у вас такая дивная пластика движений! – подначивал Славик. – Вы всех сразу наповал. За лучший танец приз – автомобиль.

– Ни фиги, – возразил Саша. – За автомобиль я бы и сам стриптиз станцевал. Иди отсюда, мужик, со своими советами – видишь, девушка перепила...

– Кто перепил? – возмутилась я. – Ты почему за меня решаешь?

Саша скорчил рожу и пожал плечами.

– Хочешь шею свернуть – иди, – буркнул он.

– И пойду.

Я выбралась из-за столика и решительно полезла на сцену. Стриптизер протянул мне руку, поднял наверх, как перышко. Народ приветствовал меня воплями и свистом. Диджей орал в микрофон что-то жизнерадостное. Загрохотала музыка.

– Ты танцевать-то умеешь? – скептически оглядев меня, осведомился танцор.

И, не дожидаясь ответа, метнул со сцены. У меня едва не остановилось сердце, но в последний момент он поймал меня за руку, рывком вернул на место, раскрутил и швырнул в другую сторону. И пошло веселье. В крепких руках стриптизера я летала по сцене, как теннисный мячик, время от времени приземляясь ему прямо на ноги. Народ, временами перекрывая грохот музыки, поддерживал нас нестройным воем. В какой-то миг меня обдало холодом, и я увидела, как моя блуза взмыла в воздух: танцор с профессиональной сноровкой умудрился ее незаметно снять. «Эй, отдайте!» – заорала я, пытаюсь нырнуть в зал вслед за блузой. Публика ликовала. Танцор перехватил меня в полете, я потеряла равновесие, упала, и мы оба свалились со сцены на пол под дружное аханье, свист и гром аплодисментов. Когда нас подняли на ноги, первое, что я увидела, был беловолосый затылок уходящего из клуба Саши.

– Да ну тебя к черту! – закричала я ему вслед. – Все, прощай навек! Видеть тебя больше не желаю!

Вряд ли он услышал. Минут через десять я, злая и почти трезвая, прижимая ко лбу мокрую салфетку, тоже выходила из клуба. Никто за мной не увязался и не попытался остановить. Времени было всего-то около двенадцати, и на улице кипела вечерняя жизнь – огни, машины, пешеходы... Сядься в трамвай, я полезла в сумочку за проездным и обнаружила там кем-то подложенный выигранный приз – приглашение на одно бесплатное посещение «Миража».

С огромным удовольствием я порвала его пополам и бросила под сиденье. Мне хотелось домой, спать, и больше никаких Саш.

Бар «Скептик». Тракта об адском пламени

Я проснулась от головной боли и все утро провалялась в постели, страдая и зарекаясь на будущее как от шампанского с пивом, так и от ночных клубов, а особенно – от дальнейшего общения с Сашей, о котором я даже вспомнить не могла без отвращения, хотя, честно говоря, он-то был тут ни при чем. К полудню слегка полегчало. Я нашла в себе силы выпить чашку чаю, полюбовалась в зеркало на мрачную зеленоватую физиономию... Что-то сегодня надо было сделать, такое важное? Ах, да – посетить дедушку Хохланда. Начинаются летние занятия у великого мастера. Не особенно жизнерадостное настроение тут же упало ниже нуля. Только Антонина могла устроить такую пакость в разгар каникул. Мне въяве представился занудливый карликовый дед, замучивший нас бесконечной лекцией о Чистом Творчестве, которую, слава Богу, так и не включили в нашу программу. А теперь, значит, предстоит сначала ехать куда-то через весь город, а потом сидеть и слушать его высокопарный бред. И так целый месяц, а то и два. Антонина небось еще и экзамен устроит. Может, сказать, что я отравилась (что не так уж далеко от истины)? Нет, с Антониной этот номер не проско-

чит... Так и не придумав, как мне избавиться от Хохланда, я в отвратительном настроении потащила к метро.

Встретиться с Хохландом мне предстояло в два часа дня, в Академии художеств, где он читал какие-то лекции. Прежде я в академии не бывала, и она произвела на меня мощное впечатление. Огромный стеклянный купол поднимался над целым кварталом. Казалось, он висит в воздухе сам по себе. Но, подходя ближе, я поняла: весь этот квартал и есть Академия художеств. Со своими факультетами, административными зданиями, общагами и всем прочим, что требуется студентам.

Я с трудом открыла массивную дверь из такого тяжелого дерева, что оно казалось камнем, вошла в вестибюль и остановилась в легком трепете. Все здесь было великанским: сам зал, уходящий в бесконечность, трехметровые античные статуи в нишах, далекий потолок, по которому летели силуэты каких-то небесных обитателей, длинные стенды с расписаниями курсов, сплошь состоящими из незнакомых мне предметов. Мимо проходили толпы студентов, среди них я чувствовала себя маленькой и беспомощной, как потерявшийся в толпе ребенок. Чтобы взбодриться, я представила, как лет через десять, а может, даже и раньше буду точно так же уверенно ходить по этим мраморным полам, и все эти странные названия станут привычными и знакомыми. Но образ студентки академии почему-то заставил меня загрустить. Эта взрослая студентка никак со мной нынешней не вязалась, и

я вдруг почувствовала, что это и в самом деле буду уже не я, а совершенно другая, неизвестная личность. Я же нынешняя исчезну, все равно что умру, и будет это – что-то подсказывало мне – уже скоро. Гораздо раньше, чем могло бы...

Я тряхнула головой, прогоняя навевающие печаль мысли и видения. Сколько же тысяч студентов тут учится, и как я найду Хохланда? Я в растерянности топталась у дверей, мешая проходу, пока на помощь не пришла бабушка-вахтер. Заглянув в толстую расчерченную тетрадь, она назвала номер аудитории, где вел лекции Хохланд, и даже объяснила, как туда пройти.

Хохланд был занят. Он самозабвенно токовал перед доброй сотней студентов, и я не решилась его отвлекать. С полминуты слушала под дверью визгливый голос, потом спросила проходившую мимо девушку, когда у них заканчиваются занятия, и выяснила, что в моем распоряжении минимум сорок минут. Не успела я задуматься, на что бы их потратить, как мой организм, оклемавшийся от алкогольного отравления, подсказал ответ: пойти в столовку и перекусить.

Со столовкой не повезло – она была закрыта на все лето. Бабушка-вахтерша подсказала, что тут совсем рядом располагается какое-то кафе, куда часто заходят студенты, а называется оно «Скептик». Туда я и направилась.

«Скептик» оказался не кафе, а пивным баром – обширным, мрачным, с нарочито грубой стильной отделкой и запредельными ценами. Несмотря на дневное время, там ту-

совалась огромная толпа, причем явно не только студенты. В подобные места меня раньше как-то не заносило. Но ноги уже не держали и очень хотелось есть. Я подошла к стойке и робко взяла меню. Это оказалась какая-то карта вин. Роскошный бармен не глядя протянул другую папку. Над головой у бармена висела реклама пива – бутылка на фоне листа марихуаны. Некоторое время я с любопытством ее разглядывала.

– А вот то пиво... – дождавшись момента, когда бармен повернулся ко мне, пролепетала я.

– Семьдесят рублей, – равнодушно сообщил бармен и протянул руку к холодильнику.

– Нет, я просто спросить. Вы сами его не пробовали?

Бармен посмотрел на меня сверху вниз, прищурился и усмехнулся:

– Пробовал.

– Оно правда с марихуаной?

– Да как сказать... Что-то такое присутствует.

– И как?

– Да никак, честно говоря.

– Что, совсем никак?

– Ну, чего-то слегка чувствуется... Будете покупать?

Хм... будь у меня лишние семьдесят рублей, я бы, пожалуй, купила это липовое наркотическое пиво – просто из интереса. Но как раз когда я намеревалась спросить бармена, нет ли самого обычного чая с сахаром, где-то в зале, среди

шума, гама и грохота музыки, прозвучало одно слово, и мое натренированное подсознание выделило его и зафиксировало. Понятное дело, это было слово «книга». Я отвлеклась от рекламы пива и машинально прислушалась.

– Что на этот раз? – добродушно спросил кто-то.

– Джордж Рипли, «О сущности адского огня», – ответил грубый, смутно знакомый голос.

– Ого! В ту же цену?

– Нет, втрое. «De Sulfure» этого года издания осталось два экземпляра в мире. Один из них перед тобой.

– Господи, зачем тебе столько денег? Ладно, вопрос риторический. Так где книга-то?

– Пожалуйста – вот она, перед тобой на столе.

– Не-е-ет, дружок, не выйдет, – ласково протянул первый. – Где она на самом деле?

Я чуть не подскочила на месте, а потом аккуратненько, не привлекая к себе внимания, повернула голову.

За столиком недалеко от стойки сидели два мужика восточного вида. Один был средних лет, упитанный, лысоватый, невзрачный. Другой – помоложе, черноволосый, с худым небритым лицом, в лохматом свитере, кожаных джинсах и «казаках» с заклепками. Оба фальшиво улыбались и сверлили друг друга взглядами, но, кажется, бить морды пока не собирались. Между ними на столе и впрямь лежала книга в суперобложке.

– Зачем тебе знать? Бери, читай, пользуйся.

– Ты что, думаешь, мне не вычислить, где она? – спросил толстый. – За кого ты меня держишь?

– Да я пошутил, – примирительно сказал небритый. – Она в Хоразоне.

Толстый кивнул и хлопнул собеседника по плечу:

– Профессионал!

– А ты думал, я потащу ее в этот пивняк? – буркнул небритый. – Как ты себе это представляешь?

Оба мужика захохотали, как будто было сказано что-то очень смешное.

Я осторожно пригляделась к собеседникам на предмет иллюзий. Точно, внешность толстого была изменена, причем не очень-то и тщательно, не от мастеров иллюзий, а от обычной публики: в реальности толстяк был мелкий, тощий, пожилой, с властным взглядом, похожий на небольшого оципанного орла. Другой внешность не менял. Но, что самое удивительное, оба они казались мне знакомыми. Где же я могла их видеть? Некоторое время я приглядывалась то к одному, то к другому... и вдруг узнала молодого. Это был сторож! Тот самый, который дрых в вагончике с надписью «ОА Феникс» и прогнал нас от ворот! Я еще раз искоса посмотрела на небритого – точно, он!

«А ведь он вполне симпатичный», – неожиданно подумала я. Надо же, что делает с человеком одежда! Просто в голове не укладывалось: заспанный ханыга из вагончика и элегантный парень, который сидит в этом дико дорогом баре

в двадцати метрах от академии и приторговывает книгами из сожженной библиотеки! Ого, как он приподнялся на этих книгах! Мне бы такие кожаные штаны тоже не помешали. Это сколько же книг он перетаскал из хранилища, подумала я с тревогой. Как бы сорвать ему бизнес? А вдруг он не один такой умелый? Надо бы мне поторопиться с подготовкой, а то там на мою долю ничего не останется!

– Если с Рипли все, то переходим к традиционному вопросу, – продолжал между тем упитанный. – Как продвигаются поиски нашей любимой книги?

– Традиционный ответ – по нулям. Она наверняка на нижних ярусах, а я еще не добрался даже до третьего...

Случайный взгляд на часы меня парализовал. Без десяти три! У Хохланда закончилась лекция, и он сейчас уйдет! Мгновенно позабыв о ворюге-стороже, я сорвалась с места и кинулась в академию.

К счастью, Хохланд был из той же породы учителей, что и Антонина. Без пяти три, когда я, задыхаясь, подбегала к его аудитории, он только-только отпустил студентов и как раз запер дверь на ключ. Я остановилась у него за спиной, схватившись за грудь и пытаясь унять частое дыхание. Хохланд закончил с дверью и повернулся ко мне. Окинув меня рассеянным взглядом, он отрывисто сказал:

– Я слушаю.

– Здравствуйте, Леопольд Леонардович, – с трудом выговорила я.

Дед молча смотрел на меня, а я на него. Прошло еще секунд десять, я вспомнила, что Хохланда зовут вроде как-то не так.

– Э... здравствуйте, Теобальд Эдуардович... Дед смотрел как бы сквозь меня и одновременно вбок. Вид у него был страшно надменный. Я судорожно соображала, в чем я опять ошиблась, и решила сделать еще одну попытку.

– Леопольд Теобальдович, мы договаривались сегодня встретиться...

На лице деда отражалось глубокое непонимание.

– Я Геля, – пояснила я.

– Что такое «геля»? – соизволил выговорить Хохланд. Он положил ключ в карман и двинулся по коридору к лестнице. Начиная злиться на этот старческий выпендраж, я побрела за ним.

– Геля из художественного училища. Антонина Николаевна сказала подъехать к вам сегодня после лекций.

В тусклых глазах Хохланда наконец возник проблеск осознания.

– Ах, Тонечка? Так это, значит, она насчет вас мне звонила?

На слове «вас» старый пень сделал ударение, всем своим видом давая понять, что удивлен и шокирован.

– Да. – Я чуть не добавила «к сожалению».

– Извините, сударыня, сразу не сообразил. Как вас, говорите, зовут?

– Геля, – вздыхая, повторила я.

– Это, простите, не имя.

– А что, по-вашему? Кличка? Хохланд остановился:

– Давайте уж представьтесь как следует. Так или иначе придется запоминать ваше имя. Так как вас зовут?

Да, похоже, мне предстоит нелегкий месяц. Что же ему надо, этому замшелому козлу?

– Ангелина.

– Это уже лучше. А по отчеству?

– Ангелина – достаточно.

– Ну ладно, – смилостивился Хохланд. – Мое имя вы, конечно, знаете...

– Конечно, конечно, – поддакнула я. – А куда это мы идем?

Хохланд спускался по лестнице, направляясь прямо к выходу.

– Разве мы не в академии будем заниматься?

– Частная репетиторская деятельность на территории академии запрещена, – отчеканил дед. – Заниматься мы с вами будем у меня дома, и впредь извольте приезжать прямо туда.

В гостях у Хохланда

Хохланд жил в облезлом старинном доме с башенками и эркерами на Среднем проспекте Васильевского острова. Всякий раз, когда меня заносило в центр и я проезжала или проходила мимо таких вот древних домов, мне было интересно, как они выглядят изнутри? Казалось, что внутренности такого дома дадут фасаду сто очков вперед, особенно если там коммуналка. Это слово было для меня окутано романтическим ореолом. Сама я в коммуналке побывала один раз в глубоком детстве, в гостях у какой-то старенькой дальней родственницы, и запомнился только бесконечный неосвещенный коридор – идешь, идешь, вокруг характерный подвальный запах вековой пыли и гниющей воды, а коридор все не кончается, а потом вдруг упирается во входную дверь, запертую на огромный железный крюк, и я с ужасом понимаю, что эту дверь вижу в первый раз. То, что в квартиру могут вести две входные двери – для парадного и черного хода, – не укладывалось у меня в голове.

В квартиру Хохланда вела парадная лестница. Вернее, она была парадной лет, наверно, сто назад. На первом этаже не горела лампочка, из подвала несло кошачьей мочой; стены с осыпающейся вокзально-зеленой краской были исчириканы росписями. Кое-где на литых перилах еще сохранились чу-

гунные бутоны, резные листья и завитушки; на некоторых площадках перил не было вовсе, и такие места я обходила по стенке, всякий раз в красках представляя, как срываюсь вниз, в пахнущий котами темный провал. Хохланд остановился у древней на вид двери, открыл несколько латунных замков и с любезным полупоклоном впустил меня внутрь.

Я перешагнула порог и уперлась взглядом в зеркало. Оно занимало простенок между двумя уходящими в темную даль коридорами, вытягиваясь от пола до высокого, как во всех старинных домах, потолка. Темное зеркало, с которого осыпалась амальгама, на резной деревянной тумбе, набитой тапочками, выглядело в точности как ворота в царство призраков. Впервые с момента знакомства с Хохландом я почувствовала, что мрачное настроение отступает и ко мне возвращается здоровое любопытство.

– У вас тут коммуналка? – поинтересовалась я, разглядывая прихожую: черный электросчетчик какой-то дореволюционной модели, вывеска старых пальто на гвоздях вместо нормальной вешалки, склад обуви, покрытой слоем пыли, и прочие экзотические предметы обстановки.

– Нет, с чего вы взяли? Это моя собственная квартира, – сердито возразил старикан, с кряхтением нагибаясь перед тумбой в поисках пары одинаковых тапок. – Пребывающая в моей личной и безраздельной собственности.

Кажется, мне удалось еще раз оскорбить Хохланда. Я определенно добьюсь в этом искусстве больших успехов,

прежде чем у него лопнет терпение и он меня выставит.

– Я ничего плохого не хотела сказать, – принялась я оправдываться. – По-моему, коммуналка – это так стильно, так романтично...

«И пахнет здесь, как в коммуналке», – чуть не сболтнула я, но, к счастью, сдержалась. Подумаешь, дедушка годами не прибирается, ведь он чахлый и дохлый, хорошо хоть сам выход из квартиры отыскивает, а квартира, похоже, настоящий лабиринт...

Дед провел меня темным коридором мимо ряда дверей – некоторые были заперты снаружи на замок, а иные, кажется, вообще заколочены, – и мы вошли в гостиную.

Пожалуй, слово «зал» подошло бы ей больше. Такие гостиные я прежде видела только в Зимнем дворце. С точно такими же, кстати, росписями на плафоне. Обстановка гостиной была не бедная, но какая-то запущенная. Вдоль стен, теряясь в пространстве, скромным рядком выстроились буфет, шифоньер, ширма, тумба с мертвым телевизором, оттоманка с валиками по бокам и трогательным ковриком перед ней, еще одно стоячее зеркало, круглый трехногий столик с китайской вазой, ножная швейная машинка «Зингер», накрытая гобеленом... Средний проспект с его рекламными щитами и автомобилями за мутным окном казался нереальным, как будто из другого времени. В глубоких узких оконных нишах цвела красная герань. Цветки были яркие и свежие, а листья – серые от пыли.

– Ух ты! – с восхищением выдохнула я, окидывая взглядом диковинное зрелище. – Можно, я здесь немного огляжусь, чтобы слегка привыкнуть?

Хохланд фыркнул, но возражать не стал. Я обошла комнату по кругу. В поле моего зрения попадали все новые детали. Заложённая кирпичами голландская печь в углу; ажурная золототканая скатерть на трехногом столике; горка с хрусталем – даже сквозь пыль видно, что хрусталь – необыкновенного цвета «загнивающей сливы». Приблизившись к выцветшим обоям, я заметила золотые проблески и вдруг поняла, что это вовсе не бумага, а какая-то дорогая обивочная ткань, вроде парчи.

– У вас как в музее, – невольно понизив голос, сказала я Хохланду. – Столько всяких интересных штучек...

– Тут у меня покойная супруга все устраивала, – неохотно сообщил Хохланд. – Я и прежде в ее хозяйство не вникал, и теперь не собираюсь. В отношении быта я ретроград. Когда за десятилетия привыкаешь к определенному жизненному укладу...

– Поня-а-атно... – Во мне пробуждался азарт расхитителя гробниц. – Значит, у вас и другие комнаты есть?

– Разумеется, есть! – оскорбленным тоном заявил дед. – Только вам там делать абсолютно нечего.

«Теперь понятно, в кого пошла Антонина», – уныло подумала я.

– Заниматься мы с вами будем, скорее всего, не здесь, а

в кабинете. У меня есть и лаборатория, но до практической работы мы вряд ли успеем добраться.

«Что он имеет в виду?»

Вслух я спрашивать не стала, чтобы не спугнуть его.

Между тем Хохланд жестом предложил сесть на диван и вслед за мной уселся сам. Несколько мгновений испытующе смотрел на меня, а потом сказал:

– Я в некотором затруднении. Тонечка поставила передо мной нелегкую задачу. Безусловно, если я беру ученика, – а такого не случилось уже лет десять, – то учу его от начала и до конца по собственной методе и программе. Вы же, как я понимаю, отнюдь не табула раса и уже чему-то учились, причем весьма бессистемно. Поэтому, хм, даже не знаю, с чего начать... Чего бы хотелось вам самой?

– Выпить чаю и чего-нибудь съесть, – чистосердечно призналась я. – У меня с утра крошки во рту не было.

Хохланд поджал губы и нахмурился.

– Я на пустой желудок ничего не соображаю, – торопливо добавила я. – А могу и в голодный обморок упасть.

– Что же, вас дома не кормят? – холодно осведомился Хохланд.

– Меня все утро тошнило. Я вчера в ночном клубе... э... отравилась шампанским... с пивом.

Хохланд молча покачал головой. Я втихомолку ухмыльнулась, представляя, какое мнение он обо мне составил.

– Подождите здесь, я сделаю чай, – сказал вдруг Хохланд

и вышел.

– Спасибо! – крикнула я ему в спину.

Я чувствовала себя очень довольной по двум причинам: во-первых, добилась-таки своего и наконец позавтракаю, а во-вторых, осталась в комнате одна. Дело в том, что во время короткого разговора с Хохландом мое внимание привлекла стоящая на крышке серванта шкатулочка в китайском стиле. Ничем таким особенным среди прочего старинного барахла она не выделялась: просто симпатичная шкатулка, размером с коробку маргарина, обтянутая синим шелком с мелким орнаментом, закрытая на латунный замочек. Я не планировала никаких противозаконных действий – мне просто до смерти захотелось посмотреть, что там внутри.

Едва за Хохландом закрылась дверь, как я спрыгнула с дивана, подбежала к серванту, схватила шкатулку и едва не выронила – она была тяжелой, как будто внутри лежал кусок золота. И – приятный сюрприз – замочек оказался декоративным. Я не медля подняла крышку. Внутри шкатулка была обита красным бархатом, а в специальной полусферической выемке посередине, блестя и переливаясь, лежал синий шар с серебристым рисунком. Я осторожно вынула шар из его гнезда. Сначала подумала, что он фарфоровый, но, судя по весу, он был металлическим. Его покрывала синяя эмаль, по которой извивался, оплетая собой шар, серебряный дракон. Крошечный, изумительно сделанный, свирепый дракон летел в атаку, выставив вперед когтистые лапки, выпятив грудь

и широко распахнув пасть.

Тихонько прошептав «Вау!», я перевернула шар, чтобы рассмотреть дракона во всех подробностях, и услышала веселый мелодичный звон. Через секунду, сообразив, что звон идет изнутри шара, я поспешно положила его обратно в шкатулку. Одна надежда – в такой громадной квартире Хохланд его не услышал.

Ставя шкатулку на место, я обратила внимание на необычную салфетку. Желтоватая старинная салфетка с изящной розой в середине, из необыкновенной полупрозрачной ткани, напоминающей очень тонкий шелк. Я взяла салфетку и вообще не почувствовала ее веса. Не представляю, как можно соткать такую тонкую материю, восхитилась я. И для эксперимента ткнула в салфетку пальцем. Эффект далеко превзошел ожидания: палец прошел через ткань, как через масло. В салфетке осталась аккуратная круглая дыра. Я злобно выругалась, проклиная мастеров древности, но словами делу не поможешь – пришлось положить салфетку на прежнее место и прикрыть дыру шкатулочкой. Оставалось только надеяться, что Хохланд не слишком часто пользуется синим шаром.

Минуты через три в комнату вернулся Хохланд, неся в руках подносик с чайником и двумя чашками. Я приподнялась с дивана, готовая прийти на помощь. Продолжая держать поднос, дед сказал:

– Пойдемте в кабинет.

Кабинет Хохланда привел меня в восторг. Это была комната самой неправильной формы, какую я видела в жизни, с низким сводчатым потолком и двумя высокими окнами в виде стрельчатых арок. Стены кабинета от пола до потолка скрывали мрачные книжные шкафы; напротив окна находились захламленный стол, уставленный пустыми чашками со следами кофе, и кресло из гладкого, как кость, желтого дерева с коричневыми пятнышками. Прямо посередине комнаты наверх уходила ветхая на вид винтовая лестница с резными деревянными перилами.

– А куда ведет эта лестница? – первым делом спросила я, задирая голову. Наверху что-то темнело, но ничего толком разглядеть было нельзя.

– В лабораторию, – сварливо буркнул Хохланд. – Не прикасайтесь к перилам – они держатся на честном слове. Присаживайтесь.

Он указал на трехногий табурет с вытертым бархатным сиденьем, а сам уселся в кресло, поставив поднос с едой на край стола. Я осторожно угнездилась на неустойчивой конструкции и принялась разглядывать книжные шкафы. Корешки книг были одинаково блеклые – от красновато-коричневого до болотно-зеленого, лишь кое-где поблескивало тусклое золото названий, в основном на иностранных языках. Как я ни вглядывалась, не увидела ни единой хоть сколько-нибудь современной книги.

– Угощайтесь. – Хохланд кивнул на поднос.

Поблагодарив его голодным взглядом, я взяла чашку с чаем и впилась в бутерброд. Некоторое время в кабинете не было слышно ничего, кроме чавканья.

– Ну, а теперь, когда нам наконец ничто не препятствует, вы ответите на мой вопрос?

– Какой вопрос? – невнятно спросила я, дожевывая бутерброд.

– Прежде чем приступать к вашему обучению, – с демонстративной терпеливостью произнес Хохланд, – я должен узнать, что вы собой представляете. Поймите меня правильно: если бы не просьба Тони, я бы не стал учить вас вообще. Ангелина, пожалуйста, не спешите обижаться. Вы не хуже и не лучше других, на первый взгляд ничем не отличаетесь от большинства моих безмозглых студенток, которых интересуют только мальчишки и тряпки, и мне абсолютно не хочется тратить на вас время попусту. Но я доверяю мнению Тони, а она вас выделила. Возможно, я чего-то не вижу... Словом, соберитесь с мыслями и определите для себя самой: зачем вы ко мне пришли? Чем я для вас ценен? Если таких причин не найдется, я позвоню Тоне и скажу, что слишком занят и не могу заниматься с вами индивидуально. На этом мы и расстанемся к нашему обоюдному удовольствию. Если же причины есть, я вас охотно выслушаю и отвечу на все ваши вопросы.

Оскорбительная речь Хохланда вызвала во мне целую бурю эмоций. Во-первых, она меня просто взбесила. Это я-

то, демиург, ничем не отличаюсь от его безмозглых студенток? Это меня-то интересуют только мальчишки? Секунду меня одолевало желание ответить на правду-матку тем же самым, высказав Хохланду все, что я о нем думаю. Но конец речи заставил меня задуматься. Предоставленная мне лазейка казалась чересчур уж заманчивой, чтобы кинуться в нее сломя голову. Сказать правду – и отделаться от вредоносного деда раз и навсегда? Я чуть так и не поступила, но что-то меня удержало. Отчасти – мысль о синем шаре в гостиной. Если я уйду, то мне его уж точно не видать. «Может, стоило его попросту спереть? – мельком подумала я. – Сунуть в сумку – Хохланд и через год бы пропажу не заметил, а теперь поздно...» Но было что-то еще, кроме шара.

Хохланд с безразличным лицом ждал ответа. Я подняла голову, изображая задумчивость, обвела взглядом кабинет. Книжки, везде старинные книжки. За стеклом кожаные корешки, серебряное тиснение, золотые обрезы. Покопаться бы тут спокойно с недельку, складывая в сумку все, что приглянется, и чтобы никакой Хохланд не стоял над душой со своими комментариями... Вдруг в моем сознании вспыхнул свет: я поняла, зачем я здесь, зачем мне Хохланд и почему я отсюда сейчас не уйду.

– Теобальд Леопольдыч, расскажите мне что-нибудь о сожженной библиотеке, – попросила я. – О книгохранилище академии, которое сгорело в Старой Деревне десять лет назад.

Брови Хохланда полезли на морщинистый лоб. Он пожевал губами, почесал бороду и проскрипел:

– Что именно вас интересует?

– Книги, разумеется. Что там хранилось, что сгорело, что удалось спасти. Там, говорят, были самые редкие книги, которые на руки выдавали только профессорам, и то под расписку, по особому разрешению...

– Хм. Неожиданный вопрос... особенно от вас, – проговорил Хохланд. – А позвольте узнать, какого характера ваш интерес к сгоревшим фондам?

– Праздный, – хладнокровно ответила я. – Детское любопытство.

Никак не отреагировав на мое нахальное заявление, Хохланд теперь глядел на меня как-то по-другому. Не то чтобы с уважением, но без прежнего пренебрежения, во всяком случае. Скажем так – с легким интересом.

– Ну что же, почему бы не ответить, – сказал он наконец. – В конце концов, я сам предложил задавать вопросы. Тем более, никакой особой тайны в этом нет. Списки книг спецхрана можно затребовать в главной библиотеке академии... Другое дело, что вам их не дадут, поскольку вы не преподаватель и даже не аспирантка. Вас, вероятно, интересуют самые редкие и ценные из сгоревших книг?

– Да, естественно.

– Я не смогу перечислить все, – предупредил Хохланд. – Моя память не безгранична.

– Можно записывать?

– Извольте. Итак... – Хохланд встал с кресла, заложил руки за спину и начал прогуливаться туда-сюда по кабинету. Я, с ручкой наготове, напряженно следила за ним.

– Для начала – небольшое вступление. Вы ведь присутствовали на моей лекции по истории Чистого Творчества прошлой зимой? Тогда вы помните, что Чистое Творчество было открыто человечеству первым мастером реальности Матвеем Кориным в Москве, в тысяча девятьсот двадцать восьмом году. Несколько лет проводились эксперименты, целью которых было разобраться в сущности происходящего чуда – а иначе это назвать было нельзя, – которые закончились созданием Академии художеств. Почти одновременно с ней возникла и библиотека. Она активно пополнялась на протяжении всего двадцатого столетия. Сочинения, имеющие отношение к Чистому Творчеству, попадали туда самыми причудливыми путями. Ядро коллекции – превосходное собрание трудов «золотого века» алхимии, так называлось Чистое Творчество в Средние века – было вывезено из Германии и Нидерландов после Второй мировой войны. Именно они и составляли основное содержание сгоревшего спецхрана.

– Вы можете назвать какие-нибудь из этих трудов?

– Разумеется. Это знаменитые книги великих мастеров. Главные из них объединяет название «Книги блужданий», они же «Книги ключей», коих ровно девятнадцать. Начнем

с классики. «Tabula Smaragdina», или «Изумрудная скрижаль», авторство которой приписывается легендарному египетскому магу и алхимику Гермесу Трисмегисту. Содержит основы всей священной науки превращений. В библиотеке академии было два уникальных экземпляра шестнадцатого века. Оба для пущей сохранности увезли в книгохранилище, где они и сгинули. Далее: Валентин, «Двенадцать ключей мудрости», где символически, поэтапно, описывается процесс трансформации, иначе превращения, материи...

– Во что?

– Во что угодно мастеру. Еще – «Rosarium Philosophorum», также шестнадцатый век. Трактат перечисляет свойства всех элементов, из которых состоит мир, и их основных сочетаний. «Novum Lumen» – известнейшая книга, где детально исследован вопрос превращения невидимого в видимое и наоборот.

– Подождите, я не успеваю!

– «Трактат о камне» Келли. Именно в нем говорится, что разум есть демон, враг человека и противник демиурга. Анонимный трактат «О работе солнца». «De sulfure» сэра Джорджа Рипли, исследователя адского пламени. ...

– Все, хватит, – прервала я его. У меня голова шла кругом от латинских названий. Но я не сказала Хохланду, что последнее из них я слышала в «Скептике» не далее как сегодня днем. – И что же, они все сгорели? Какой ужас!

– Да, колоссальная утрата, – согласился Хохланд, впро-

чем, без особого трагизма. – Но надежда еще не потеряна. Дело в том, что мы не знаем, сгорели эти книги или нет. В хранилище, насколько я помню, было пять подземных этажей. Самые редкие книги содержались на последнем, пятом. Я не знаю, в каких условиях они хранились, но обычно такие раритеты держат в ячеистых несгораемых шкафах с шифрованными замками. Пятый подземный этаж вполне мог уцелеть. Чисто теоретически, разумеется.

– Насколько мне известно, туда так и не смогли добратъся? – продолжала я тянуть из Хохланда сведения.

– Именно так. Академия потратила огромные средства на расчистку завалов, но пока все впустую. Впрочем, надежды они не теряют, и, говорят, этой осенью будет предпринята очередная попытка пробиться на нижние ярусы...

Надо спешить, подумала я. Пока меня не опередили. Да еще этот «черный археолог» из вагончика, чтоб ему ногу подвернуть, мешает мне заниматься изысканиями и таскает книги прямо из-под носа. Ну ничего, я его переиграю...

– Я ответил на ваш вопрос? – спросил Хохланд.

Я кивнула, сказала «спасибо» и убрала тетрадь в сумку.

– Я так понимаю, на сегодня хватит? – правильно истолковал мой жест Хохланд. – А могу в свою очередь я поинтересоваться: зачем вам эти сведения?

– Да так, в Интернете нашла какое-то интервью и решила узнать побольше, – сказала я полуправду. – Правда, просто интересно. Как там огненные черви книги проедали и

отдельные слова выгорали, это же круто!

– Ну что ж, тогда ступайте, – со вздохом произнес Хохланд. – У Тони есть ваш телефон? Я вам позвоню, когда появится возможность позаниматься, а пока обдумваю программу нашего курса...

Выйдя, я глубоко вдохнула уличный воздух, чтобы провентилировать легкие от пыли веков, чувствуя себя так, как будто совершила путешествие во времени. Чуть позже, топчась на остановке, я разглядывала дом Хохланда и прикидывала: вот его окна на последнем этаже, а круглая башня с куполом и стрельчатыми окнами – его кабинет... Купол венчало типичное для Васильевского острова архитектурное украшение – миниатюрная башенка с острым шпилем. Она была такой маленькой, что там едва поместился бы один человек. Неужели это туда вела винтовая лестница? А смысл? Где там можно разместить лабораторию? У кого из нас старческий маразм? Я про себя посмеялась, но кое-какие догадки насчет предназначения башенки у меня зародились...

Экспедиция на развалины

Остаток вечера и утро следующего дня я посвятила основательной, вдумчивой подготовке к походу на развалины. Местность я, как могла, изучила, всю доступную информацию по библиотеке собрала. Оставалось продумать мой наряд и подобрать снаряжение. Одежду я выбрала поплоше, какую не жалко трепать в руинах: джинсы, куртку, заношенные кроссовки. Волосы заплела в тугую косу, чтобы не мешались, и спрятала под бейсболку. Бейсболка имела дополнительный смысл – надвинешь козырек пониже, и лица уже не видно, а могут и вообще принять за мальчика, что мне только на руку.

Закончив с одежками, я принялась за инвентарь. Номером один был фонарик – компактный, очень мощный, купленный специально для этого случая. Кроме него, я положила в свой школьный рюкзак: свитер – мало ли под землей будет холодно; упаковку пряников и пластиковую бутылку с минералкой – на случай, если надолго задержусь там и проголодаюсь; строительный мастерок, чтобы копать, – конечно, я бы предпочла саперную лопатку, но ее среди папиных инструментов не оказалось; моток веревки – вдруг там будут лабиринты. Вообще же я старалась не перегружаться, поскольку с этим рюкзаком за плечами мне еще предстояло

лезть через трехметровый забор.

План экспедиции был прост, как грабли: проникнуть на территорию библиотеки, обследовать развалины, смыться оттуда незамеченной. Безупречный план, кабы не одно досадное обстоятельство – наличие сторожа.

Вообще конкретно этот сторож был мне крайне подозрителен. Его появление в баре «Скептик» свидетельствовало о том, что он – отнюдь не тот пропитый забулдыга-пролетарий, за которого себя выдает, и то, что он поселился в вагончике у ворот, кстати, заблокировав доступ к объекту для всех, кроме себя, тоже явно не случайно. Он знает, что именно охраняет; ему удалось добраться до книг, чего тщетно добивалась десять лет вся Академия художеств; а его метод прятать украденные из библиотеки книги слишком напоминает то, чему меня почти год учили на «спецкурсе Д». В общем, все говорило о том, что я имею дело с серьезным конкурентом, и, возможно, этот конкурент для меня опасен.

Когда я приехала в Старую Деревню, было около полудня – прекрасный солнечный июньский день. В такой день хочется валяться на пляже, а не ползать в грязи и пыли старого пепелища. Выйдя из маршрутки у метро, я некоторое время топталась на месте, прикидывая разные варианты действий. Все зависело от того, где сейчас находился сторож. Либо он дрыхнет в своей будке, либо шарится в руинах, либо его нет там вообще – например, уехал торговать книгами, или у него выходной. Если он сидит в вагончике, то к воротам мне ид-

ти нельзя. Если я не пойду к воротам, я никогда не узнаю, там он или нет. Но если он меня увидит, то можно считать, то экспедиция сорвалась. Решив не рисковать, я повернула направо, добралась до железной дороги и пошла по шпалам, как позавчера.

Путь занял минут пятнадцать. Я увидела в зеленых дебрях ржавый остов трактора и свернула с рельсов в кусты. Забраться по нему на стену оказалось парой пустяков, как будто он был поставлен тут нарочно. Сидя верхом на заборе, я долго изучала панораму развалин. Панорама впечатляла. Библиотека оказалась гораздо больше, чем я ожидала. Она была похожа на развалины Кносского дворца-лабиринта. Уцелевшие остатки стен торчали над черными провалами, напоминавшими огромные мусорные ямы; повсюду какие-то бетонные блоки, ржавая арматура, и все это изрядно заросло крапивой, чертополохом и прочей дикой флорой. Позади руин библиотеки стеной вздымались тополя. Дым и прочие признаки пожара отсутствовали напрочь. Сторожа на обозримом пространстве также не наблюдалось. Слева от меня, метрах в пятидесяти, виднелись знакомые ворота, но они были закрыты. Не колеблясь ни секунды, я перекинула ногу через забор и прыгнула.

Вот я и проникла на запретную территорию, и ничего страшного не произошло.

Несмотря на выведенные мною закономерности возгорания библиотеки, я была спокойна, как мамонт. Старое пе-

пелище выглядело вполне мирно. По небу плыли легкие облачка, ветер шелестел в траве, звенели кузнечики, припекало солнце – разве что слабо пахло гарью. Я поправила лямки рюкзака и пошла к развалинам, перепрыгивая с кочки на кочку. Вскоре я остановилась на краю здорового прямоугольного котлована.

Наверно, раньше здесь было что-то вроде холла или гардероба при входе, но теперь это была просто обширная яма около трех метров глубиной, заваленная строительным мусором. Кое-где на стенках виднелись остатки желтой штукатурки, покрытой черными разводами, – должно быть, следы пожара. Я нашла удобное место и спустилась вниз. Кирпичи, известка, грязь. Сорняки и кое-где даже молодые деревца. Обгорелые куски дерева. Слабый запах земли и костра. За моей спиной когда-то была дверь, но она почти целиком завалена.

М-да, пейзаж выглядел не особенно перспективно. Никаких проходов вниз здесь не наблюдалось. Равно как и книг. Если бы я не знала, ни за что не подумала бы, что когда-то здесь была библиотека.

Я скинула рюкзак с плеч, положила его на более-менее чистый бетонный блок и принялась бродить туда-сюда по остаткам помещения, внимательно разглядывая стены. Под ногами вдруг что-то хрустнуло. Это оказался лист бумаги, буквально впрессованный в мусор на полу. Лист формата А4, твердый от известки, украшенный отпечатком подошвы

(не моей). Я наклонилась и попыталась отклеить лист от пола. Он прилип намертво. После долгих усилий мне удалось оторвать от него угол. Я быстро осмотрела обрывок в поисках бесценной информации и прочитала:

«...В книгохранилище запрещается пользоваться кипяtilьниками, электрическими чайниками, электрическими бритвенными приборами и прочей работающей от сети бытовой техникой; зажигать открытый огонь, разводить костры и курить допускается только в специально отведенных местах (см. план) в строго указанное время... Сотрудники хранилища, пренебрегающие этими правилами, караются штрафом в размере...»

Это была противопожарная инструкция!

– Костры не разводить! – сквозь смех произнесла я. – Су-пер!

Я бросила обрывок обратно на пол, выпрямилась, собираясь продолжить осмотр, и обнаружила струйку дыма. Тонкую, почти невидимую. Она пробивалась из-под куска грязной фанеры робко, как лесной родничок. Но минуту назад ее там не было.

У меня по спине пробежали мурашки. На мгновение я замерла на месте, готовая рвануть к забору, почти ожидая, что струйка дыма на моих глазах превратится в столб пламени, однако быстро пришла в себя. Неужели я могла хоть на секунду подумать, что мне – мне – может угрожать подобная ерунда? Гордо задрав подбородок, я шагнула к тому месту,

откуда поднимался дым.

– Значит, что у нас тут – возгорание? – суровым тоном пожарного инспектора спросила я невидимых нарушителей. – Курим, значит, прямо в читальном зале, а хабарики за собой не тушим?

Невидимые нарушители тушевались и отмалчивались. Струйка дыма между тем стала чуть гуще.

– А костры в библиотеке разжигать вообще запрещено! – продолжала я валять дурака, пинком отбросив лист фанеры.

Теперь я видела, откуда просачивался дым: что-то тлело в разрыве линолеума, между двумя досками пола бывшего вестибюля.

– С вас штраф триста баксов! Нет, лучше пятьсот!

Я с размаху припечатала струйку дыма кроссовкой...

Раздался оглушительный треск, и пол исчез у меня из-под ног. Я взмахнула руками, теряя равновесие, упала на колени. Пол действительно проваливался. И я вместе с ним. Он тянул меня за собой, как трясина, и я ничего не могла сделать. В куче обломков, в туче пыли я рухнула вниз.

Полет, удар в спину; мимо меня пронеслись ряды пустых стеллажей в почти неповрежденном помещении, и я провалилась еще глубже, на следующий подземный этаж. Во второй раз удар был сильнее, и падение внезапно прекратилось.

Несколько мгновений меня беспокоила только возможность дышать, чему мешали густая цементная пыль и паралич легких. Наконец я закашлялась и заворочалась в куче

щепенки и остатков прогнивших перекрытий, пытаюсь сообразить, что во мне сломано, а что нет. Когда пыль улеглась, мне удалось сесть. Болели локти, голова и спина, куда явно воткнулся лежащий в рюкзаке мастерок. Вокруг царил первобытный мрак. Над головой, очень далеко, синело пятно неба. «Говорят, если посмотреть днем со дна колодца, можно увидеть звезды», – пришла мне на ум нелепая мысль. Никаких звезд наверху, разумеется, не было – только с края пролома у меня над головой, покачиваясь, свешивалась насквозь гнилая штакетина. Воздух здесь был тяжелый и затхлый. «Господи, да я же провалилась сквозь два яруса! – сообразила я, когда отчасти пришла в себя. – Вот это круто!»

Это действительно было очень круто – если я точно ничего себе не сломала. До третьего подземного этажа не добиралась даже прошлогодняя экспедиция. За несколько секунд полета мне удалось добиться большего, чем целой команде исследователей за десять лет!

Струйка дыма, с тревогой вспомнила я. Откуда она пробивалась – не отсюда ли? Как бы мне тут не сгореть ненароком! Но вокруг дыма совсем не ощущалось. Я схватилась за боковой карман рюкзака, вытащила фонарик, который, к счастью, не разбился при падении, и включила. Луч выхватил из темноты голую стену. На ней не было следов огня. Ура! На этот этаж пожар не добрался!

Я посветила выше. Потолок был черным от копоти. Все-таки здесь что-то горело, но очень давно, и пожар явно за-

тронул это помещение не так сильно, как верхние этажи. Я стряхнула с себя обломки и попыталась подняться на ноги. Движение отозвалось ноющей болью в спине и почему-то в пятках. Однако стоять было можно. Я направила луч фонаря в темноту и, хромая, шагнула прочь от светового колодца.

Через десять минут исследований можно уже было делать кое-какие выводы относительно того, куда я рухнула. Это была узкая, небольшая зала, что-то вроде комнаты отдыха. Книжных шкафов я здесь не увидела ни одного. Может быть, вынесли, но, скорее всего, их здесь и не было. Из предметов обстановки в зале удалось обнаружить здоровенную керамическую кадку, набитую окаменевшей землей. Из земли торчал сухой волосатый пенек финиковой пальмы. Должно быть, спасти растение при пожаре никто не потрудился, и пальма так и засохла здесь в темноте. Неподалеку от пальмы виднелся металлический остов конторского дивана: ножки, рама и прилипшие к ней черные ошметки обивки. В углу стоял закопченный железный шкаф, в котором я вскоре опознала автомат для продажи пепси-колы. Никаких бумаг, даже обрывков газет или чеков, здесь не было.

Из залы вели три двери. Одна, деревянная, выглядела совсем ветхой и рассохшейся, но проникнуть за нее мешала железная решетка, закрытая на навесной замок. Замок находился с моей стороны, и выглядел он вполне прилично – на нем даже остались следы смазки – так что я взяла его на заметку. Я осветила за решетку и увидела начало длинно-

го коридора. К сожалению, мощности фонаря хватило метра на два, а дальше все терялось во мраке. Другая дверь была просто железной. Я толкнула ее, но она тоже оказалась закрыта, на этот раз снаружи. Я представила себе сотрудников библиотеки, которые покидают помещения по сигналу пожарной тревоги и запирают за собой один зал за другим, и переключила свое внимание на третью дверь. Эта была гостеприимно открыта во тьму.

Я оглянулась на световой колодец в центре вестибюля и впервые задумалась, как выбираться наверх. Будь я обычным человеком, ситуация была бы неприятной до крайности: пришлось бы сидеть тут и звать на помощь в надежде, что кто-нибудь случайно услышит, а в противном случае тихо помереть от голода. Так что без обращения к Чистому Творчеству, похоже, не обойтись. «Значит, придется обратиться, – беспечно подумала я. – Думаю, эту ситуацию можно считать крайним случаем? Сейчас обойду здесь все закоулки, а потом сотворю что-нибудь типа лестницы. И никто не узнает – ведь каникулы!» С этими мыслями я направилась к открытой двери. Мне не было страшно. За последние месяцы я, кажется, вообще утратила способность бояться, что, кстати, абсолютно меня не огорчало.

За дверью оказалась лестничная площадка. Лестница вела вверх и вниз, и, кажется, проход был открыт в обе стороны. Для начала я решила выяснить, что наверху. Я поднялась на два пролета, представляя себе, как выйду прямо на поверх-

ность в каком-нибудь скрытом месте, но этажом выше меня ждало разочарование – мощный завал. Бетонные блоки были так искорежены, как будто в библиотеке случился не пожар, а взрыв, и перебраться через них не было никакой возможности. Я запомнила искореженные блоки и направилась вниз.

Один пролет, второй... Я миновала «свой» вестибюль и двинулась дальше. Луч фонаря высвечивал гладкие стены с темными прямоугольниками – должно быть, раньше там висели картины или плакаты. Здесь везде была пыль, но никаких следов копоти, даже на потолке. Я почувствовала необыкновенный прилив энтузиазма, от волнения у меня слегка дрожали руки; я забыла даже про ушибленные пятки. Так, наверно, чувствовал себя Картер, когда нашел нетронутую гробницу Тутанхамона в десять раз вдоль и поперек перекопанной Долине царей. Я спустилась еще на один пролет. Следующего пролета не было: часть лестницы обвалилась и упала куда-то вниз. Пахло тут неприятно – гораздо хуже, чем в вестибюле, гарью и гнилью. Я стояла на краю темного колодца, уходящего неизвестно в какие глубины. Потом оглянулась назад.

Передо мной была лестничная площадка четвертого подземного этажа. Она выглядела совсем не так, как все помещения библиотеки, которые я видела прежде. До пожара здесь, наверно, было невероятно красиво. Пол был не бетонным, как везде, а выложен плиткой глубокого синего цве-

та. Я пошаркала по нему носком кроссовки, и он сразу заблестел в свете фонаря. Стены тоже украшала плитка: матовая, шоколадно-коричневая, густо покрытая узорами, которые в темноте разобрать было невозможно. С площадки на этаж вела деревянная двухстворчатая дверь, не крашенная, а лакированная, с витражным стеклом. Витраж при пожаре не пострадал – возможно, потому, что цветные стекла были довольно мелкими и закреплены в настоящей свинцовой оплетке. Рисунок витража был выполнен в синих и красных тонах. Он изображал какие-то цветы с тугими и острыми, как наконечники копий, лепестками. Двери были полуоткрыты, и из них высыпалась груда строительного мусора – наверное, в помещении за дверями обрушился потолок. Что там было дальше, я разглядеть не смогла, но решила, что по завалу можно пробраться внутрь. Однако только я подошла к этой куче штукатурки, так дисгармонировавшей с чудесными дверями, как прямо под ногами увидела то, за чем сюда так долго рвалась.

Лист бумаги с черными значками текста. И это была явно не противопожарная инструкция и не обрывок газеты. Скорее, письмо. Или страница рукописной книги.

У меня перехватило дыхание. Я присела на корточки и прикоснулась к бумаге, как будто боясь, что она мне привиделась. Из-под завала выглядывал самый край листа. Я разглядела только необычный скачущий почерк. А вдруг это одна из тех Книг Блужданий, о которых мне рассказывал Хох-

ланд? Я осторожно потянула лист на себя. Он не поддавался. Возникло неприятное ощущение, что кто-то держит его с той стороны. «Библиотека не хочет отдавать свои книги, – подумала я, вспомнив, как отдирала от цемента противопожарную инструкцию. – А ну-ка, потянем... человек против штукатурки...» Лист затрещал и надорвался. Я подумала, что надо бы раскидать хоть часть завала, но в мозгу вдруг возник пугающе яркий образ – под штукатуркой лежит человек. Труп человека, погибшего при пожаре. В последней агонии, задыхаясь в дыму, под градом камней, он вытягивает вперед руку с зажатым в кулаке посланием, чтобы спасти его от наступления хаоса. Мне показалось, что если я подниму хоть один кусок штукатурки, то увижу под ним мертвую руку, вцепившуюся в драгоценный листок. Я содрогнулась, резким движением дернула на себя листок и разорвала его окончательно. В моем распоряжении оказалось не больше абзаца – обрывок текста без начала и конца. Я немедленно направила на лист луч фонарика. Там по-русски было написано:

«...Я выхожу из тьмы луны навстречу рассвету; я ношу тысячи имен; я – земля и змея, тьма и утренняя роса, и живая вода, соединяющая разделенное.

Ветер носил меня в своем чреве; я – небесный цветок, родившийся в новолуние, после большого дождя.

Я разрываю круг небес и обращаюсь к земле и воде. Моя тень падает на землю, а образ отражается в воде...»

И все? М-да. Я повертела листок, но нашла только странное словосочетание у нижнего края оборотной стороны – «истинный целитель знает...»

Несколько секунд я стояла, вглядываясь в текст, как будто ожидая, что среди строк проступит какая-нибудь тайнопись, которая все мне разъяснит. Что бы это значило? Какой в этом глубокий смысл? Какая ценность?

Додумать я не успела. Отвлек треск за дверью. Цветы на витражных стеклах внезапно ожили, наливаясь багровым светом, светлея и расцветая на глазах. Я стояла как зачарованная, глядя на это волшебство. В голове возникла и застряла очередная несвоевременная мысль: «Вот ты какой, аленький цветочек!»

Но когда резко запахло гарью, а из провала позади меня повалили клубы дыма, я сообразила, в чем дело. В библиотеке снова начинался пожар.

Я отскочила от завала, машинально сунув бумажку в карман джинсов. Повсюду, куда ни обращался луч моего фонарика, клубился дым, наполняя воздух удушающим смрадом. Из-за витража выхлестнулся яркий язык пламени. Чему там гореть, если вокруг одна штукатурка?! Я развернулась и побежала наверх, перепрыгивая через две ступеньки.

Я влетела в «комнату отдыха» вместе с первой волной дыма. Наступало время совершить простенький акт творения. Я устремила взгляд на свисающую с края пролома доску и ярко, стараясь не упустить ни единой детали, начала

представлять, как она становится длиннее, дорастает до пола; сбоку у нее одна за другой проклеиваются ступеньки – вырастают через равные промежутки, как ветки, крепнут, утолщаются... Vera Imaginatio – активное творящее воображение, единственный и универсальный инструмент мастера реальности.

Через несколько секунд штакетина наконец пошевелилась. «Быстрее, быстрее!» – в нетерпении шептала я. Дым щипал глаза.

Лестнице уже пора было материализоваться, но тут произошло нечто прямо противоположное. Штакетина оторвалась и со стуком упала на пол. А пролом на потолке стал затягиваться! Я ничего не могла с этим поделать – реальность мне не повиновалась. Когда пролом затянулся полностью, свет погас. И все стало серым.

Мне было все прекрасно видно, как будто я смотрела через прибор ночного видения. Подземелье изменилось. Замки с дверей упали, решетки распахнулись. Исчез запах гари, пропали черные разводы на потолке. Ошметки кожи на диване превратились в нормальную обивку, на ржавом автомате для продажи напитков проступили рисунки и ценники. На полу появилась ковровая дорожка. А на дорожке, прямо у меня под ногами, возникло нечто ужасное и отвратительное. Это была разорванная в клочья шкура волка. Пол усеивали обрывки кожи и пучки шерсти. Огромная голова лежала отдельно, глядя на меня пустыми глазницами и хищно скалясь.

Я вскрикнула и отскочила к стенке, не спуская взгляда со шкуры. Вряд ли это был декоративный коврик. Шкура выглядела так, будто волка разорвало изнутри.

В голове помутилось от страха. Единственное, что я ощущала, – это желание убежать со всех ног, куда глаза глядят, подальше от этого места. «У тебя почти нет шансов выйти оттуда живой», – некстати вспомнились слова Князя.

Текли секунды, ничего не происходило. Я глядела на растерзанного волка, и страх постепенно отпускал меня. «Он ужедохлый, – сказала я себе. – Просто шкура».

Внезапно прямо над ухом заскрежетало железо. Я едва не упала в обморок от неожиданности. Повернувшись, с изумлением увидела, что автомат для продажи пепси-колы раскрылся и наружу вывалился мужик в ватнике и телогрейке. Даже если бы не эти очевидные признаки, я бы узнала конкурента. Конечно же, это был «феникс» из вагончика – воюга-сторож.

Он огляделся по сторонам, глотнул дыма, раскашлялся с ужасным хрипом, а отдышавшись, принялся облегчать душу, не стесняясь в выражениях. Довольно скоро я поняла, что ругань предназначена мне.

– Какого черта!.. Все изгадила, все! Три месяца работы псу под хвост! За каким бесом ты сюда полезла? И чего их тянет сюда, этих проклятых подростков, как будто здесь медом намазано! Двое уже окочурились – нет, все мало! Ну, я понимаю – парни, но девке-то какого рожна здесь надо?

Я так растерялась от этого натиска, что принялась оправдываться:

– Я же случайно провалилась... Там пол гнилой оказался...

– Случайно, говоришь?! – рявкнул сторож, сверля меня взглядом. – И у ворот тоже случайно околачивалась?

Я наконец собралась с духом и перешла в атаку:

– Что вы на меня кричите, в самом деле? Что я, убила кого-нибудь, или обокрала? Мне же просто было интересно поглядеть на развалины...

– Ты из какой мастерской реальности? – перебил меня сторож. – Из одиннадцатого училища, или из того, которое на Савушкина?

– Какой-такой мастерской? – «удивилась» я, глядя на него честным взглядом. Именно так Антонина учила нас реагировать на вопросы посторонних о том, что им знать не положено. Сейчас она могла бы мной гордиться.

– Ты хоть понимаешь, идиотка, что теперь здесь все сгорит? – устало спросил сторож. – Я на этот ярус три месяца ход прокладывал, а она является, проваливается, поджигает абсолютно нетронутый этаж, и теперь ее еще и спасать надо!

– Ничего я не поджигала! – возмутилась я.

Но сторож вдруг замолк на полуслове и поднял руку, призывая меня к молчанию. В сером полумраке мне показалось, что его глаза слегка фосфоресцируют.

– Слышишь что-нибудь? – шепотом спросил он.

Я прислушалась. Сначала не слышала ничего, кроме частого дыхания – своего и сторожа. Потом к этому добавились какие-то скрипы и шорохи на лестничной клетке.

– Там? – шепотом спросила я, указывая на лестницу.

Сторож помотал головой и указал на одну из раскрывшихся дверей. Несколько секунд мы молчали. Потом я поняла, что он имел в виду: из темного коридора доносилось тихое частое цоканье. И оно явно приближалось.

– Кто-то сюда бежит, – прошептала я. – Похоже, когти по паркету стучат...

Сторож изумленно посмотрел на меня, потом перевел взгляд на волка и пробормотал:

– Я ж его вроде убил... Их тут что, двое? Этих слов хватило, чтобы я бросилась к нему с криком:

– Забери меня отсюда, быстро! Клацанье становилось все громче. Вскоре к нему добавилось тихое рычание. «Феникс» схватил меня за руку, крепко сжал и потащил к автомату.

– Сматываемся, – глухо произнес он. – О черт, надеюсь, он нас еще не учуял...

Сторож втолкнул меня в шкаф, влез следом, прижав так, что у меня перехватило дыхание, с лязгом захлопнул за собой дверь, а через мгновение мы в клубках дыма вывалились с другой стороны, оказавшись на крыльце синего вагончика «ОА Феникс».

Не успела я поблагодарить сторожа за чудесное спасение, как он схватил меня за плечи и развернул лицом к себе. Его

глаза неожиданно оказались совсем близко. Они были светло-серые, блестящие и злые-презлые.

– Значит так, – свирепо сказал он. – О том, что сейчас было, забудь навсегда. Чтобы больше я тебя здесь не видел.

За этими грубыми словами последовал не менее грубый толчок в спину, и я слетела с крыльца на вытопанную траву. Дверь вагончика с треском захлопнулась. Я осталась в одиночестве перед закрытыми воротами, разъяренная и униженная. Что за хамство?! Выкинули, как паршивого котенка! Меня, мастера реальности и демиурга, спустил с крыльца какой-то немый сторож! И добро бы из служебного рвения...

Я развернулась и закричала, обращаясь к белой занавеске в окне вагончика:

– Я все про тебя знаю! Вор! Результат последовал немедленно: дверь отворилась, и в проеме возник сторож.

– Что ты сказала? – грозно спросил он. Я отбежала шагов на десять.

– А то! Сам книги из развалин таскаешь, а другим не даешь! У меня на тебя полный компьютер компромата! Вот я расскажу кому следует...

Густые брови сторожа сдвинулись. Я приготовилась к драпу. Но он вдруг презрительно расхохотался.

– Иди, иди, – сказал, отсмеявшись. – Хоть в милицию, хоть куда, если время тратить не жалко. Но запомни вот что: если еще хоть раз сюда явишься, я тебя спасти не стану, так

что станешь третьей.

– В смысле – третьей? – не поняла я, но потом догадалась, что он говорит о задохнувшихся подростках. – Ну надо же, напугал!

– Делать мне больше нечего, как всяких пигалиц пугать, – бросил сторож и ушел в вагончик, закрыв за собой дверь. Однако дверь тут же приоткрылась, и я услышала:

– Только сунься еще раз, ей-богу, поймаю и так задницу надеру, мало не покажется!

На мгновение я онемела от такого оскорбления, а потом яростно выкрикнула:

– А спорим, что я первая доберусь до следующего яруса?
И кинулась бежать по дороге к метро.

Старая Деревня преобразуется безлунной ночью

Я вернулась домой в шестом часу. Родители с работы еще не пришли, да оно и к лучшему. Вид у меня был колоритный – аж люди сторонились в общественном транспорте. Вся насквозь пропахшая дымом, по уши в грязи и известке, лицо в черных разводах от липкой сажи, куртка разорвана по шву – видно, за что-то зацепилась, пока летела сквозь перекрытия, пятки болят, спина в синяках... Прямо от дверей я ринулась в ванную и провела там не меньше часа, стирая одежду и отмываясь сама. Мой замечательный фонарик так и сгинул, остался на третьем ярусе. Зато рюкзак уцелел, а вместе с ним и добытое сокровище – обрывок загадочного текста.

За окнами было тепло и зелено, со двора доносились детские голоса. Благоухая персиковым шампунем, я вышла из ванной, закуталась в мамин купальный халат, налила чаю, сделала пару бутербродов и с полчаса сидела у стола и сушила волосы, ни о чем не думая, молча наслаждаясь тишиной, чистотой и покоем. Потом пошла в прихожую, где рядом с двумя монстрами, похожими на лапы больного проказой крокодила, – моими кроссовками – валялся грязный и пыльный рюкзак. Стараясь не запачкаться, я достала из

внешнего кармашка свою добычу, вернулась с ней на кухню, расправила лист и принялась изучать его. «Истинный целитель знает...» Кто это такой, и что он там знает? «Я выхожу из тьмы луны...» Кто это «я»? Может, в том тексте таится скрытый смысл? Да-да, наверняка так и есть. Символический язык, зашифрованное послание. Из детективных романов мне было известно, что каждый шифр имеет свой ключ. Значит, нужно искать ключ.

Поскольку после ванны меня разморило, то разум обратился на поиски легких путей. «Господи, да что я мучаюсь? – лениво думала я, вертя в руках лист. – Завтра съезжу, покажу его Хохланду. Наверняка он знает, что означает эта тарбарщина. Или к Антонине обращусь – кстати, и ехать далеко не надо».

Я перебралась к телефону. У Хохланда никто не брал трубку. У Антонины незнакомый женский голос сообщил, что наставница уехала отдыхать – «буквально вчера, ах, как вам не повезло; да, до конца лета, на Украину, к родственникам. Нет, позвонить туда никак нельзя, извините...»

Новость меня огорчила. Антонина была мне нужна здесь: во-первых, я так и не посоветовалась с ней, как вести себя с Хохландом, чтобы его от меня не слишком тошнило, а во-вторых, в глубине души я рассчитывала на ее помощь, если дела с библиотекой обернутся как-нибудь не так.

Золотые лучи вечернего солнца дрожали на паркете. За окном черной вспышкой промелькнула птица.

«А погода-то какая хорошая! – неожиданно обратила внимание я. – Классный июньский вечер, сейчас только гулять!» Я захотела было позвонить Маринке, помириться и пригласить съездить в Озерки искупнуться, но и по ее номеру в трубке слышались только долгие гудки. «Бродит где-то... без меня. Ну и ладно, – миролюбиво подумала я. – Пойду погуляю одна».

Сборы вопреки ожиданиям затянулись надолго. Пока я искала купальные принадлежности, пришла с работы мама и устроила выволочку за кроссовки и рюкзак, а потом не отпускала, пока не приготовила ужин; не успела я поужинать, как явился папа, и мы проболтали с ним еще с полчаса «за жизнь». В общем, когда я наконец вышла из дома, был уже девятый час, и солнце ощутимо клонилось к закату.

Я шла к метро, помахивая пакетом с купальником и полотенцем, и бездумно глазела по сторонам – как небо постепенно меняет цвет с лазурного на малиновый, как ветер полощет зеленые кроны старых кленов у дороги, – и всеми порами впитывала нагретый за день воздух, пахнущий бензином и сиренью. После утренних приключений я испытывала потребность разгрузить как мозги, так и нервную систему, и купание для этого казалось мне в самый раз. На Савушкина я попала в плотный людской поток, тоже стремящийся к метро: в основном молодежь, девчонки и парни, с пивом в руках, загорелые и еще не очень, ехали оттягиваться в центр, либо в Озерки, либо на Крестовский – а куда еще можно пойти в

такую шикарную погоду?

До метро мне оставалось метров пятьсот, когда улицу Савушкина накрыла тень и все теплые живые краски уходящего дня вмиг стали холодными и сумрачными. Как-то вдруг ощутимо похолодало. Я подняла глаза и увидела, как край багрового солнца скрывается в быстро наползающей с запада сизой туче. «Вот, блин, выкупалась», – ругнулась я. Дальше надо было собираться! Я ускорила шаг, надеясь, что до Озерков эта туча не долетит. Но туча оказалась шустрой. До метро было еще топтать и топтать, а небо окончательно затянуло, и улица Савушкина погрузилась в полумрак. На закате начало погромыхивать. Где-то вдалеке магниевой вспышкой блеснула зарница. Толпа вокруг меня как-то незаметно рассосалась. С неба накатиł легкий шелест дождя. Холодные капли застучали по голым плечам, с каждым мгновением все сильнее и чаще. Я подумала, что надо бы спрятаться, пока не началось.

Я успела. Только я шмыгнула под раскидистый клен, как шелест дождя превратился в грохот ливня. Прямо надо мной грянул гром. По асфальту побежали ручьи. Вода пузырилась и булькала, как будто кипела в лужах. В воздухе повисла водяная дымка – это разбивались мелкие капли. Я стояла и смотрела на это холодное кипение воды, чувствуя радостное возбуждение. Мне всегда нравились грозы.

Я простояла под кленом минут пятнадцать, растворяясь в глухом грохоте ливня и высматривая в небе вспышки мол-

ний. Потом это дело стало мне надоедать. Ливень не подавал никаких признаков завершения, небо плотно обложили иссиня-серые тучи; к тому же холодные капли начали просачиваться сквозь густую листву. Все шло к затяжному дождю, который безнадежно срывал мне планы на вечернее купание.

«Черт, когда же он закончится!» – бормотала я, ежась от холода и сырости. Похоже, мне предстояло идти – вернее, бежать – обратно домой. Неожиданно мною овладел приступ упрямства. В конце концов, мастер я или кто? На что меня учили целый год управлять реальностью, если я не могу справиться с такой пустяковой проблемой, как дождь? Тут ведь даже не требуется трансформировать материю – достаточно просто вызвать ветер, чтобы он отогнал эту несвоевременную тучу куда-нибудь в Купчи-но или, еще лучше, на Финский залив. Где здесь творчество? А если нет творчества, то я ничего и не нарушаю!

Приняв решение, я развеселилась. А потом сосредоточилась и начала представлять себе ветер. Северный ветер, студеный и мощный, из тех, что стремительно гонит по небу облака, но почти не чувствуется внизу; из тех, что кажется далеким дыханием какого-нибудь недоброго божества, о котором невольно думаешь: хорошо, что он там, а я тут... Прошла минута, потом вторая, и что-то в природе изменилось. Я еще не ощущала этого дыхания, и тучи все так же неспешно и тяжело ползли по небу, но уже чувствовала – заработало. Процесс пошел.

Под ненадежную крышу из живых листьев вдруг впорхнула бабочка-лимонница. Наверно, она тоже пряталась от дождя. Бабочка расположилась прямо на моей руке, медленно шевеля крыльями.

– Привет, – сказала я ей. – Расслабься, сейчас дождь пройдет, и просохнешь.

Бабочка раскрыла крылья. Мне почудилась какая-то неправильность.

«Они же только что были желтые, – сообразила я. – А теперь стали серые...»

Не успела я осмыслить этот факт, как бабочка удивила меня еще больше. Она исчезла. Не улетела, а просто растворилась в воздухе.

Что-то пошло неправильно. Я быстро выглянула из своего убежища, осматривая улицу. Дома и деревья почти скрылись в водяной дымке. Шел дождь. Людей не было. В потоках ливня все казалось серым, бесцветным. Дождь смывал улицу Савушкина, как мы на уроках живописи смывали неудачные акварели. Вот пропал один дом, вот второй... Вот тротуар устремился куда-то вверх, а проезжая часть, наоборот, опустилась вниз... Вот из пелены дождя, выше самых высоких домов, выступили толстые корявые ветки деревьев... Все происходило тихо, плавно, бесшумно. Я наблюдала за этими метаморфозами, оставаясь на месте, не суетясь и не делая пока никаких выводов, – просто ожидая, чем все кончится.

Когда прекратились неуловимые трансформации реальности, прекратился и дождь. Я обнаружила, что нахожусь в густом лесу, на берегу реки.

Быстрая, но тихая река со странной, непрозрачной темной водой устремлялась строго на восток. Ее русло в точности соответствовало улице Савушкина. Дома по сторонам исчезли – их место заняли лесистые склоны, уходящие куда-то вверх. Если бы не морось в воздухе, я бы, наверное, увидела горы – что-то подсказывало мне, что я нахожусь в горном ущелье. Со всех сторон высились перламутрово-серые стволы огромных деревьев, покрытых капельками росы.

Куда же я попала? Ненароком провалилась в чей-то домен, как прошлой осенью? Неприятное какое-то место – безлюдное, бесцветное... На меня вдруг ледяным шквалом нахлынули воспоминания прошлой зимы: мертвая Новая Лахта, кровавые руны, мир поля и Князь Тишины, предостерегающий меня: «Если мир вокруг тебя становится серым и исчезают люди, это признак опасности...» Мне внезапно стало зябко. Я нервно огляделась по сторонам, словно ожидая появления неведомых чудовищ из тумана. В невидимых кронах деревьев шелестел ветер, в реке булькала вода...

Я попыталась проанализировать ситуацию. Что происходило перед тем, как меня сюда занесло? Началась гроза. Я спряталась под деревом. Вызвала ветер. Прилетела бабочка...

Вызвала ветер... Может, дело в этом? Недаром же нам за-

прещали прибегать к Чистому Творчеству вне школы!

И в библиотеке, на третьем ярусе, было то же самое: я попыталась вырастить лестницу из штакетины, и мир сразу стал серым...

Где я? И что мне теперь делать?

Между тем дождь совсем прекратился, и морось в воздухе быстро рассеивалась. Я увидела горы, гряда за грядой мягкими волнами поднимающиеся к темно-серому небу. А над горами мерцали звезды: целые россыпи, незнакомые созвездия и скопления. Темнее вокруг не становилось, скорее наоборот. Туман ушел, и окружающий пейзаж приобрел четкость, и я увидела то, чего не замечала раньше, – метрах в пятидесяти слева от меня над рекой легкой аркой нависал мост.

Поколебавшись, я решила перейти на другую сторону реки. В быстром, почти черном потоке ничего не отражалось: ни я, ни деревья, ни звезды. От моста вдоль реки вела в лес широкая тропа. Я подумала, что все равно заблудиться в таких условиях невозможно, и пошла по ней куда глаза глядят.

Рядом со мной река молча несла на восток свои чернильные воды. Может, от нее и пошло название района – «Черная речка»? К настоящей, убитой и загаженной Черной речке это название подходило слабо. Эта же молчаливая река казалась слегка не от мира сего – и я бы не удивилась, если бы она брала начало в каком-нибудь другом домене и в другой же домен впадала.

Через четверть часа лес на другой стороне реки расступился. Моим глазам предстал холм, на вершине которого росло уходящее в небо дерево со светло-серой корой, наподобие березы. Под сенью его ветвей теснилась деревенька – первые настоящие дома, которые я увидела в этом домене. Аккуратные уютные избушки, и во всех окнах звездочками горит свет. Напротив холма через черную реку был перекинут мост. Я обрадовалась сильнее, чем сама ожидала. Свет! Люди! Я не раздумывая кинулась к мосту.

Беги я чуть быстрее, наверно, там бы и сгнула: у моста отсутствовал средний пролет, как будто его разрушили специально. Я успела затормозить на самом его краю и долго ругалась, бессильно глядя на деревушку на той стороне. Но вскоре, приглядевшись к постройкам, я удивилась по-настоящему: метрах в ста от подножия холма стояла наша художка. Стены ее были такие же серые, как все в этом мире, и в темных окнах не горел свет, но это несомненно была она.

«Ничего не понимаю», – растерянно подумала я. Что в нормальном мире слева от художки? Сквер, клумбы, скамейки, потом церковь – «первая ротондная церковь в Петербурге», как нам рассказывали на краеведении. И еще кое-что вспомнилось из тех уроков: возле церкви, там, где сейчас был сквер с клумбами и скамейками, в советские времена стоял какой-то заводик, а до того – кладбище... Если черная река этого мира соответствует улице Савушкина, то кладбище располагалось как раз на месте приятной деревушки.

После этих мыслей я как-то утратила интерес к ее обитателям, и разобранный мост перестал меня раздражать.

Я уже собралась идти обратно, когда мне на ум пришла замечательная мысль. Если в этом мире есть художка, то почему бы в нем не быть и сожженной библиотеке?! И там уж точно нет никакого сторожа!

Я решительно повернулась спиной к реке. От широкой тропы в горы вело множество мелких, которые я сразу не заметила. Я выбрала подходящую по направлению, и начался подъем – деревья, звезды, безлюдность и тишина.

Встреча с оборотнем

Минут через двадцать я миновала перевал и оказалась по ту сторону гор. Тропа вывела на край высокого обрыва, и в просвете между деревьями открылся величественный вид. Передо мной расстилалась долина, большую часть которой занимало озеро – дымчатый хрусталь и перламутр в черных лесистых берегах. Справа, там, где по-настоящему должна была находиться станция метро «Старая Деревня», плескалась вода. («Так и знала, что метрополитен – это коллективная галлюцинация», – позлорадствовала я мельком.) А слева, на высоком мысу, над озером поднимался замок. Нет, не замок. Не бывает замков в стиле «конструктивизм». Пятиэтажное светло-серое кубическое здание выросло над лесом подобно пирамиде майя. Никаких архитектурных изысков. Прямоугольные окна светились бледным неприятным светом галогенных ламп. Внизу горел желтый огонек электрического фонаря – первое цветное пятно, встреченное мной в этом домене. Я пригляделась и увидела внизу глухой забор и ворота. Эти ворота были мне знакомы. Как и само здание – не далее как на прошлой неделе я видела его фотографию в Интернете. Вот она, сожженная библиотека. Целая и невредимая. Такая, какой она выглядела десять лет назад, до пожара. И ворота – раскрыты!

Я почти вприпрыжку побежала вниз.

Несмотря на пугающее переплетение горных троп, путь до библиотеки оказался недолгим. Не прошло и получаса, как я уже стояла перед воротами, изучая обстановку. В этом месте тянуло забыть, что я в чужом домене, – так оно напоминало реальность. Если бы не безлунное небо... Темный лес, бетонный забор, фонарь, распахнутые железные ворота. Вагончик «Феникса» пребывал на своем месте, почти незаметный в тени забора. Я подкралась к вагончику, прислушалась – тихо, и заглянула в ворота.

Там оказалась самая натуральная проходная. Из приоткрытой двери, ведущей в помещение для охраны, выбивался луч света и доносилось монотонное бормотание не то радио, не то телевизора. Дальше, метрах в ста от меня, лежала, как пирожное на блюдечке, сожженная библиотека: целая, невредимая, готовая к разграблению.

Я вошла в ворота, на цыпочках подкралась к комнате охраны и заглянула внутрь. Сторожа там не было, как я, впрочем, и ожидала. Просторное помещение, в дальнем конце вторая дверь – закрытая. Обстановка скудная: стол, стул, продавленный диван, черно-белый телевизор тихонько бухтит на подоконнике, показывая футбол. Только что вязания на столе не хватает или газеты с кроссвордами. Осмотрев комнату, я собралась идти дальше.

Меня остановило тихое рычание. Я подняла голову. Дверь в дальнем конце комнаты была теперь широко раскрыта, и

оттуда на меня смотрела овчарка.

Я замерла, стараясь не делать лишних движений и даже не дышать. Овчарка не пыталась напасть. Она стояла, пристально на меня смотрела и монотонно рычала.

Первой мыслью было – откуда собака?! Здесь не должно быть никаких живых существ! Вторая мысль: а с чего я, собственно, так решила? Откинув глупые мысли, я постаралась сосредоточиться на происходящем. Итак, овчарка. Охраняет вход. Я не боялась – ни собак вообще, ни этой в частности, но по собственному опыту знала, что поведение сторожевых зачастую агрессивно и непредсказуемо. В свирепость овчарок мне не особенно верилось.

Единственная овчарка, с которой я была знакома, – Маринкина Джерька – была трепетным и истеричным созданием. Но теперь, когда в трех метрах от меня стояла и глухо рычала здоровенная чужая псина, я почувствовала, что начинаю нервничать.

– Спокойно, – пробормотала я вполголоса, скорее себе, чем собаке. – Не надо сердиться. Я ничего не буду трогать. Сейчас я закрою дверь и уйду...

Как бы не так. Стоило мне шевельнуться, как овчарка зарычала вдвое громче. «Не двигаться!» – ясно говорило ее поведение. Я послушно застыла, соображая, что предпринять. Есть такие собаки, которые ловят вора, но не трогают его, а задерживают до прихода хозяев – просто не выпускают наружу. Но я-то и так снаружи, а псина – внутри. Если меж-

ду нами будет дверь... Я повела глазами вниз и в сторону, пытаясь разглядеть, запирается ли дверь снаружи. Овчарка не спускала с меня глаз. Как-то неправильно она себя ведет, с тревогой подумала я. Почему все время смотрит в лицо? Да еще со странным таким выражением... как будто чего-то ждет.

Проигнорировав известное правило: если смотреть собаке прямо в глаза, то она разозлится, – я собралась с духом и ответила псине таким же пристальным взглядом. Она не отвела глаз. В зрачках мелькнул темно-красный отсвет – так бывает, если зверь смотрит из темноты, и мне на мгновение стало жутко. Судить о намерениях собаки по таким глазам не хотелось вообще. Я с тоской подумала: как бы хорошо было прямо сейчас оказаться далеко-далеко отсюда. Где же хозяин этой псины? Хоть бы он уже пришел поскорее и избавил меня от нее!

От напряжения заболели икры, но я стояла неподвижно, продолжая наблюдать за овчаркой. Проклятая тварь была хорошо выдрессирована и стояла как каменная. Она не нюхает, с испугом заметила вдруг я. Почему? При встрече собаки всегда принохиваются. Может, она механическая? Поведение псины не нравилось мне все больше и больше.

Со стороны окна вдруг раздался непонятный шум – не то вой, не то звук сходящей лавины. Я машинально резко повернула голову. То же самое сделала овчарка. Синхронность наших движений заставила меня нервно хихикнуть.

– Это в телевизоре, – сказала я собаке. – «Зенит» гол забил. Видишь, болельщики беснуются?

Собака отвернулась от телевизора, посмотрела в окно, оглянулась на дверь и снова уставилась мне в лицо, приоткрыв пасть. Если бы на ее месте был какой-нибудь маньяк, я бы сказала, что он самодовольно ухмыляется, наслаждаясь своей властью над жертвой. Я почувствовала, что вспотели ладони. «Манера поведения у нее абсолютно не собачья. Скорее, человеческая, – пришла ко мне в голову мысль, в которой я боялась себе признаться. – Значит, это не собака». А кто?

Не успела я додумать, как овчарка пошла ко мне. Не прыгнула, не бросилась, не побежала – именно пошла неспешным шагом. Когда собака хочет напасть, это всегда заметно, хотя бы по вздыбившейся шерсти на хребте. У этой твари ничего не вздыбливалось, и тем не менее я ничуть не сомневалась в ее намерениях. Они были написаны у нее на морде. Такое выражение я уже видела в передаче «В мире животных», только там была морда не собаки, а крокодила. В этих неподвижных глазах я вот такими буквами прочла: «Ты – моя пища».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.